

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО СОЗДАТЕЛЬ

СУДЬБА

М.В. Аранов

“Сам даже не знаю, что у меня вышло”

В.И. Даль (о своем словаре)

К портрету. Владимир Иванович Даль — вот уж кто действительно был ключевой фигурой в истории русского языка! Если бы сейчас какая-нибудь солидная фирма, собираясь специализироваться на издании словарей, искала название для нового брэнда, то естественно было бы выбрать имя этого замечательного лексикографа. Даль (или, может быть, Dahl) — звучит несколько не хуже, чем Ларусс, Уэбстер, Брокгауз, Робер или Longman. Имя Даля давно стало настоящей легендой, причем мировой. В 2001 г. по предложению ЮНЕСКО был даже отмечен год Даля.

Существует еще одна причина, почему Даль — прекрасное имя для издательского мира: в легенде не все должно быть ясно, что-то должно быть не договорено, окутано туманной дымкой. Биографий Даля много, но все они написаны под копирку, все благостные, все парадные и содержат набор примерно одних и тех же эпизодов. Здесь я сосредоточусь лишь на тех событиях его биографии, которые как-то могут способствовать объяснению, почему он создал свой знаменитый словарь и как этот словарь приобрел ту форму, в которой он нам известен.

Четыре тома словаря украшают книжные полки многих моих соотечественников, но часто ли они в эти тома заглядывают? Описание квартиры русского интеллигента: “стол, стул и Даль”, — это больше для красного словца. Хотя думаю, что на интеллигента действует магия прабабушкина сундука. Стоит такой сундук в темном углу на даче и все уверены: “В нем есть такое! И когда-нибудь это снова войдет в моду...”, но по какой-то загадочной причине редко кто там роется.

Чуковский как-то порекомендовал переводчикам искать у Даля замену заезженным эпитетам, но Корнея Ивановича не поддержал Алексей Максимович. “Совет — опасный”, — заметил Горький. И дальше в том смысле, что наследство-то молью

потрачено. А ведь разговор происходил всего лишь лет через 60 после выхода первого издания уникального словаря (т. 1—4, 1863—1866) и буквально несколько лет спустя после появления в печати последнего переработанного дореволюционного издания. Немного это странно, потому что словари обычно живут долго. Но я бы прислушался к словам Горького. Все-таки это крупный был специалист по “своевременным книгам” и в том, что касается духа времени, обладал замечательным чутьем.

Известен прекрасный портрет кисти Перова, где Даль, уже пожилой писатель и этнограф, откинулся на спинку удобного кресла. И выглядит он на портрете так, как хотел, по-моему, выглядеть всю жизнь. Эдакий почтенный купец, может, из старообрядцев, отошедший от дел и оставивший наследникам приличное состояние.

Только в жизни этот господин ничем не торговал, а, по отзывам современников, даже не выглядел так солидно, как изобразил его художник, хотя и был крупным чиновником, врачом, военным... Да и русской крови в жилах Владимира Ивановича как раз совсем и не было. Последний факт был бы для нас совершенно несущественным и не заслуживал бы даже упоминания в кратком очерке, но для самого Даля и для обстоятельств его жизни его нерусское происхождение, к несчастью, имело большое значение.

Родословие. Отец Даля — Jochan Christian von Dahl, а в России — Иван Матвеевич, был датчанин, лютеранский богослов, получивший образование в Германии и выучивший несколько древних языков, включая древнееврейский. В Россию он был выписан Екатериной II для заведования библиотекой. Здесь он принял русское подданство и оказался в Гатчине, при дворе будущего Павла I. К несчастью, библиотекарь был наделен обостренным чувством собственного достоинства и придворной карьеры не сделал. Итогом его пребывания при дворе стало несколько сохраненных им для потомков красочных историй (в том числе и знаменитая история о поручике Кижее, которая долго путешествовала по салонам, пока под пером Юрия Тынянова не превратилась в знаменитый рассказ), а также вынесенное твердое убеждение, что культура в России — не слишком надежный источник существования для иностранца, а лучше владеть каким-либо полезным ремеслом и держаться подальше от сильных мира сего. В результате Даль-старший отправился на три года в Иену и назад, на свою новую родину, вернулся с дипломом врача. Одно время он был лекарем горного ведомства в Луганске, где создал первый лазарет для рабочих людей, прослыл трудягой, а кроме того, родил старшего из четверых своих сыновей — Владимира. Потом Иван Матвеевич служил в Николаеве.

За мною следовали, пишет Владимир Даль, — кроме умерших в малолетстве сестер, братья: Карл, Лев и Павел. Карл был моряк и умер в Николаеве; Лев — артиллерист — убит при взя-

тии Варшавы в 1831 году, и товарищи поставили ему памятник. Павел, не окончив курса в Дерптском университете, умер чахоткою в Риме (где ему племянник Лев Даль поставил памятник уже гораздо позже)¹.

Мать Даля — Мария Фрейтаг — была дочерью немца и французской гугенотки. И мать и бабушка знали по нескольку языков, бабушка переводили и сочиняла, но, по-видимому, большей частью для семейного потребления.

Тот тип отношений, который существовал в семье Далей, и в самой Германии был еще новинкой. Это была стремительно внедряющаяся после наполеоновских войн сентиментальная модель “малой семьи” с фигурой справедливого и мудрого отца на заднем плане, а на переднем плане — образованной матери, читающей детям сказки, рассказывающей им семейные предания, устраивающей детские праздники, рождественские елки. И дающей детям первые уроки родного языка. Кстати, именно в это время сказка становится настоящим семейным чтением. В моду входят переделки народных сказок, хотя до этого сказки отнюдь не рассматривались в образованном обществе как детская литература. В России ребенка еще долго воспитывали дворня, мамки, приживалки, сменяющие друг друга гувернантки и гувернеры, но и у нас роль матери в воспитании детей постепенно усиливалась.

Далее углубляться в тему семейного воспитания нет никакой необходимости, так как именно эта модель семьи на протяжении XIX в. была усвоена русским дворянством и жива по сей день (по крайней мере как идеал).

Вместе с этими семейными отношениями вошли в отечественное употребление и получили широкое употребление слова “уют” и “уютный” как переводы немецких слов *gemütlich*, *gemütlichkeit*². Это был несколько странный выбор эквивалента для очень важного для германской культуры понятия (*gemütlich*), так как церковнославянское “ютиться” никакого намека на сердечность, душевность и комфорт не содержит, а, скорее, наоборот, “ютящийся” ощущает себя лишним и стесняющимся³. Словарь Академии Российской разве только намекал на новый смысл, говоря об “укромном, спокойном месте ко вмещению чего”. Тогда еще было вполне правильно сказать “уютный сундук”, имея в виду вместительную тару.

История слов *Gemüt*, *gemütlich*, *gemütlichkeit* в немецком языке совершенно иная, чем у русского уют, да и само понятие *gemütlich* сыграло в истории немецкой культуры несравненно более важную роль, чем уют в России. В Германии история этого слова прослежена очень детально⁴. Еще в начале XVIII в. *gemütlich* использовалось относительно редко, обычно в пиетистских кружках, преимущественно для оценки человека и его поступков как добродетельных, идущих от сердца. А значение, примерно соответствующее русскому “уют”, и возникло, как считают историки языка, лишь в конце века, когда ста-

М. Арапов
Толковый
словарь живого
великорусского
языка

¹ Даль В.И. Автобиографическая записка. Продиктована Далем в 1872 г., включена в 1 том посмертного ПСС // Полн. собр. соч.: В 10 т. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1897–1898. Т. 1. — 1897.

² Ср. интересные замечания о слове “уют” и “уютный” в статье Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Широка страна моя родная // Отечественные записки. 2002. № 6.

³ РАС, 1794. Т. 4, 478 с. Академический словарь 1847 г.: ютиться — “стараться устроиться или поместиться в каком-либо тесном месте”. РАС, 1847. С. 477.

⁴ См., например, словарь бр. Grimm Bd. 5. <http://germazope.uni-trier.de/Projects/DWB>

СУДЬБА

ли возможны такие сочетания как упомянутое *gemütlich stobe*, *gemütlich escke* (“уютный уголок”). Так что в обоих языках эти слова, пользуясь архитектурным жаргоном, — “новоделы”.

Но новое значение очень быстро завоевывало признание и в Германии и в России. Что действительно замечательно, так это скорость, с какой люди того времени поняли, что говорят об одном и том же. У Карамзина в “Письмах русского путешественника” героя встречает трактирщик, который приводит его в маленькую горенку и рекомендует ее словами: “Не правда ли, что она хороша и очень уютна?”. “Уютная горенка” полностью соответствует немецкой *gemütlich stobe*. Пройдет лет 20 и А.И. Крылов, который отнюдь не был почитателем стиля Карамзина, совершенно естественно напишет в одной из своих басен: “На взморье хижины уютный обитатель”.

Впрочем, случай с переосмыслением “уют-уютный” был совсем не единичным. Модные в свете в последней трети XVIII в. слова вроде “прелестный”, “очаровательный”, “обаятельный”, “обожать” первоначально скорее пугали, так как были тесно связаны с колдовством и магией, и приобрели современное значение, сблизившись со своими французскими эквивалентами *charmant*, *séduisant*, *idolâtre* и проч.⁵

Я останавливаюсь здесь подробно на понятии *уютный*, так как появление этого слова было своего рода межевым камнем, определившим поворот русской культуры к частному быту, простым семейным ценностям и возникновению духовных, можно сказать, сентиментальных связей между частным человеком и предметами окружающего его быта. Даль будет пытаться решать задачу, которая даже и не стояла перед его предшественниками: отразить и закрепить связь между обычным человеком и тем миром, в котором он ощущает себя *уютно*. Решение этой задачи шло у него трудно.

Первая попытка сделать карьеру. Вернемся к семье Далей. Итак, их старший сын Владимир родился 10 (22) ноября 1801 г. в Луганске (в ту пору местечко Лугань Славяносербского уезда Екатеринославской губернии) и был воспитан в лютеранской вере. Тогда в этом не было ничего удивительного, много этнических немцев оставалось лютеранами или католиками, но Далею его конфессиональную принадлежность, как и национальность, видимо не раз припоминали. Биографы Далея-младшего часто цитируют его воспоминание о том, что тот почувствовал во время учебного плаванья в 1817 г.: “Когда я плыл к берегам Дании, меня сильно занимало то, что увижу я отечество моих предков, моё отечество. Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество моё Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков”.

Кроме домашнего тепла, запаса знаний (родители учили его и его братьев всему сами, приглашая только учителей математики и рисования), Владимир вынес из семьи еще одно необычное для своих русских сверстников наследие: сознатель-

⁵ См. Лотман Ю.М. Б.А. Успенский в “Письмах русского путешественника”. [Н.М. Карамзина] Прим. на стр. 594.

ный патриотизм. Отец считал, что добровольно *выбрал* эту страну, ее язык, ее народ, со всеми его достоинствами и недостатками. Даль-старший был абсолютно лоялен: народу, власти, и, думаю, даже климату России. Что и завещал своим потомкам.

Тогда в России для иностранца, если он не имел собственного состояния, на выбор было три пути: военная служба, карьера чиновника или “дефицитного” специалиста, куда относилось и врачебное дело. Даль последовательно перепробовал все, начав с военной службы. В 1814 г. его отдают в Морской корпус.

Покидая семейный очаг в 13 [с половиной] лет, Даль, по видимому, был готов к обстановке военно-воспитательных учреждений тех дней, поэтому в краткой “Автобиографической заметке”, продиктованной дочери Ольге незадолго перед своей смертью (он скончался 22 сентября 1872 г. по ст. ст.), пишет о муштре и телесных наказаниях как о вещах само собой разумеющихся, даже с некоторой иронией:

“Что скажу об этом воспитании, о котором в понятии остались одни розги, так называемые дежурства, где дневал и ночевал барабанщик со скамейкою, назначенною для этой потехи. Трудно ныне поверить, что не было другого исправительного наказания против ошибки, шалости, лени, и даже в случае простой бессмысленной досады любого из числа 25 офицеров.

Известно, впрочем, что самого Даля, кадета весьма прилежного, никто не сек. Но вот о других эпизодах, поразивших его какой-то непостижимой бессмысленностью, память у него сохранилась на долгие годы. Был, например, в Морском корпусе обычай, который должен был напоминать подростку семейные праздники Далея. Воспитанники, как и полагалось, под Новый год в глубокой тайне, на чердаках готовили для офицеров своего рода сюрприз: листы промасленной бумаги натягивались на каркас из палочек. Листы были украшены вензелями офицеров, а внутри сажены пирамид, сложенных из этих листов, зажигались свечки. Однажды дежурный офицер, ссылаясь на приказ, безжалостно уничтожил уже готовые к празднику декорации. Кадеты со слезами на глазах, но тем не менее соблюдая все ритуалы по части сохранения тайны, поспешно изготовили их копии: а впоследствии, на самой иллюминации и маскараде, сами офицеры прохаживались по зале, любовались картинными вензелями своими на пирамидах, будто ни в чем не бывало”⁶.

Суть этого эпизода, столь характерного для выбранной семьей страны, Даль, как мне представляется, так никогда и не поймет. Ему все будет казаться, что он чего-то не “догоняет”, и сам в этом непонимании частично виноват. Окружающие его природные “русаки” не хуже его замечали этот абсурд, но их реакция на этот абсурд — часто неосознанная — была существенно иной.

М. Арапов
Толковый
словарь живого
великорусского
языка

⁶ В цитатах из произведений Даля я сохраняю авторскую орфографию. — Прим. авт.

Сын протестантского богослова, а в молодости совершеннейший рационалист, по натуре жизнерадостный остряк, Даль знал только один способ адаптации к не совсем понятной ему действительности — через конструктивный поступок. “Раз я их не понимаю, мне нужно учить их слова”, — что-то вроде этого повторял он себе. Подход несколько странный для лютеранина, который должен быть воспитан в убеждении, спасительная одна вера, а поступки верующего не играют решающей роли. Тем не менее и мичманом и статским генералом Даль поступал так, точно в его сознании постоянно звучали слова Послания Иакова “Вера без дел мертва” (Иак 2:20).

А еще он записывает пословицы и поговорки, похоже не понимая, что эти изречения — в значительной мере не житейские принципы простого народа, а как раз его реакция на несообразности его быта.

В 1819 г. он был выпущен из Корпуса мичманом, по собственному желанию записан в Черноморский флот и начал службу в Николаеве (где, как мы помним, жил в это время и его отец). А незнакомые русские слова он начал заучивать еще в пути. Биографы Даля обожают этот эпизод:

“Произошло это по дороге из Петербурга к месту службы, в марте 1819-го. Близ почтовой станции Зимогорский Ям, что в трехстах верстах от столицы, ящик обернулся к замерзающему седоку — мичману В. Далю и ободрил: “Замолаживает”. — “Как это замолаживает?” — удивился незнакомому слову Даль. “Замолаживает. Вишь, пасмурнеет. Знать, к теплу”. Владимир вытащил тетрадку и коченеющими пальцами записал: “Замолаживает — в Новгородской губернии значит: небо пасмурнеет, заволакивается тучами”⁷.

Сам Даль позднее писал: “На этой первой поездке моей по Руси я положил бессознательно основание к своему Словарю, записывая каждое слово, которое дотол не слышал”.

Очень похожим образом пытался справиться с абсурдом революции и эмиграции тезка Даля — Владимир Набоков. Тот, поступив в Кембридж, сразу покупает четырехтомник Даля и решает изучать каждый день по 10 страниц словаря. И еще одна общая черта была у двух этих литераторов, кроме, конечно, сложных отношений с родиной и ощущения своей *особливости* (одно из любимых далевских слов), — любовь к коллекционированию и увлечение биологической таксономией. Оба изучали бабочек и оба сделали в этой области открытия.

Кстати русская среда автоматически отвечает на всякую *особливость*, если не пословицей, то анекдотом, который по своей природе та же реакция на абсурд: несуразность, превращенная в общий принцип, уже не воспринимается болезненно. Приводимый далее анекдот был сочинен, вероятно, еще современниками Даля:

““Подмоложивает, однако!” — сказал ящик, глядя в синее небо. Поручик Даль поудобнее устроился в санях и до-

⁷ Костинский Ю.М.
К 200-летию со дня
рождения Даля
(<http://www.gramota.ru/>)

стал записную книжку: "Подмлаживает (тульск. губерн.) — быстро холодает". "Потолопиться бы нам надо, бабин, а-то замелзнем!" — продолжил тем временем ямщик».

Сам Даль многократно будет пытаться объяснить свое "бессознательное" поведение. В словаре он приведет высказывание К.С. Аксакова: "Слово есть воссоздание внутри себя мира". Но в этот возводимый молодым человеком внутренний мир снова вмешиваются внешние события и опять самым непредсказуемым для него и пренеприятным способом.

В объяснительной записке (хотя она и названа издателями автобиографической), составленной много лет спустя, в 1841 г., вероятно, в связи с переездом в Петербург, где Даль получил должность секретаря и чиновника особых поручений при министре уделов и одновременно министре внутренних дел Л.А. Перовском (брате оренбургского губернатора, под началом которого Даль служил до этого), он так рассказывает об обстоятельствах событий, случившихся в 1823 г. на Черноморском флоте.

"В Николаеве написал я не пасквиль, а шесть или восемь стишков, относившихся до тамошних городских вестей; но тут не было ни одного имени, никто не был назван и стихи ни в каком смысле не касались правительства. Около того же времени явился пасквиль на некоторые лица в городе, пасквиль, который я по сию пору еще не читал. Главный местный начальник предал меня военному суду, требуя моего сознания в сочинении и распространении этого пасквиля..."

А проще говоря, "главный местный начальник" — адмирал Алексей Самуилович Грейг, — задетый за живое стишками о даме, которая жила в его доме, схватил и отдал под суд известного в городе сочинителя и остролова, пребывая в полной уверенности, что другого такого в городе не сыщется.

Пока с сентября 1823 по апрель 1824 г. Даль сидит в тюрьме, лишенный всех чинов и званий, его дело разбирается в Петербурге. Вмешательством верховной власти дело мичмана находит благополучное разрешение. Далю возвращают чин и переводят в Кронштадт, но не реабилитируют (и сделают это еще очень не скоро). Но у молодого человека сохраняется тяжелое чувство и, вероятно, обида. И Даль прямоком следует по пути своего батюшки.

Медицинский студент. В 1825 г. Даль выходит в отставку и 20 января 1826 г. поступает на медицинский факультет Дерптского университета в качестве вольнослушателя⁸.

Он всегда считал годы, проведенные в Дерпте, самой счастливой порой своей жизни. Там и по внешнему своему поведению он был совсем немецкий бурш: весельчак, проказник, участник студенческих проделок и шуток. И место, куда он попал, вполне содействовало раскрытию его талантов.

Дерпт в то время был для Российской империи "основной кузницей" медицинских кадров. Обучение там шло, естествен-

М. Арапов
Толковый
словарь живого
великорусского
языка

⁸ Существует другое объяснение ухода Далья с морской службы: он якобы не переносил качки. Такую причину предложил, скорее всего, сам Даль, который знал, как Николай I относился к ранним отставкам с военной и морской службы.

СУДЬБА

но, на латыни и на немецком языке, последний был языком повседневного общения. Но дело даже не в языке, хотя возвращение в привычную языковую среду тоже что-то значило: Даль начинает писать стихи — русские и немецкие, что даже кое-что публикует. Хотя стихи — откровенно плохие.

Важнее было то, что здесь на окраине империи он попадает в настоящий немецкий университет с европейской традицией обучения, с сохранившимися со средних веков церемониями и свободомыслием, хотя и ограниченным определенными рамками. Трудно выразиться о Дерпте удачнее Н. Языкова, учившегося в университете одновременно с Далем:

*Здесь мы творим свою судьбу,
Здесь гений жаться не обязан
И Христа ради не привязан
К самодержавному столбу.*

Даль превосходно вписывался в университетскую среду, у него открылся талант рассказчика и актера, и уже тогда его устные рассказы привлекали всеобщее внимание: на семейных встречах Далья неизменно просили что-нибудь рассказать. Он участвовал в театральных представлениях и был хорошим музыкантом. По воспоминаниям своих русских соучеников, он постоянно развлекал их игрой на “губной фисгармонии”. И вот что еще удивительно: неуклюжий морской кадет оказывается человеком *додельчивым* [так у него в словаре, а у нас в семье это слово употреблялось в форме *доделистый*, в этой форме я и буду его использовать. — М.А.], то есть любил и умел работать руками: например, выдувал из цветного стекла удивительные по форме и изящные вещицы. И артистизм и доделистость Далья имеют прямое отношение к его словарю.

Ведь владеющий ремеслом, даже посредственно, мыслит несколько по-иному по сравнению с “безруким” интеллигентом. То, что последнему представляется целостным актом, у первого распадается на ряд технологических приемов, каждый из которых имеет название, манеру исполнения и своих “действующих лиц”. Первый говорит и пишет приблизительно: “гвоздь вбивают”. Второй отмечает про себя, что у него в руках: *сотка, нагель, шпилька, клинышек, саморез* и проч. Его нужно сначала осторожно *наживить*, чтобы потом *вогнуть* по самую шляпку и тем самым *пришить*, скажем, доску... Рукастый Даль, конечно, не единственный в своем роде, но в целом русский книжный язык создавался теми, кто в совершенстве владел только пером. А Даль с детства знал то, что тогда называлось горным делом (сюда входили и металлургия и химия), был моряком, военным, знал гончарное и стекловудное дело, представлял себе работу крестьянина, плотничал и т.д. А в качестве чиновника, служившего и в провинции и в столице, был отлично знаком с административным аппаратом России. Лю-

бовь к деталям и некоторое пренебрежение к абстракциям всю жизнь выделяли этого человека.

Чтобы творческий человек смог реализовать себя, крайне важно еще одно условие: хотя бы на первых порах, его должны окружать выдающиеся люди. Многие замечательные идеи возникли и окрепли только потому, что в кружке, к которому приемыкал автор, существовала атмосфера, которую моя знакомая как-то удачно назвала "обществом взаимного восхищения". Причем принадлежность к такому обществу не исключает иронии и критики.

С таким обществом Далу особенно повезло. Его учителем в университете оказался выходец из Голландии хирург профессор И.Ф. Мойер. Другим учеником Мойера в то время был, кстати, знаменитый Николай Иванович Пирогов. Мойер, специализировавшийся в редкой тогда области хирургии — хирургии глаза, которой учил и Дала, — был еще человеком, о котором говорят "а ну, тот самый".

Это был тот самый Мойер, который должен был оперировать аневризму А. Пушкина (на самом деле летом 1825 г. Пушкин под предлогом операции просто хотел бежать за границу). Той самый Мойер, в покойную жену которого, очаровательную Машеньку Протасову, был безнадежно влюблен В.А. Жуковский. Последний, часто появлявшийся в доме хирурга, стал связующим звеном между молодым Далем и компанией местных и петербургских литераторов. Здесь нет необходимости перечислять известные имена и рассказывать подробности отношений в этой компании, так как это уже давно сделано.

Итак, в Дерпте Даль, наконец, чувствует себя как дома, тем более, что рядом в Выру служил его брат. Но, к сожалению, все, что сказано, пока мало помогает нам в поисках ответа на вопрос, как у этого человека получилось написать самый знаменитый в нашей истории словарь.

Н.Я. Данилевский, перечисляя в своей книге "Россия и Европа"⁹ наши национальные достоинства и недостатки, высказывает мнение, что из русских (да и из славян вообще) хороших ученых не получается. Не наша-де эта стезя. Я бы сравнил науку с инфекционным заболеванием: наукой как особым взглядом и отношением к миру нужно заразиться. У Дала были знания, вынесенные из дома, из Морского корпуса, где он учился весьма прилежно, и в самом Дерпте он упрямо заучивал в день по сто латинских слов, ведь латыни в Морском корпусе не учили...

Но наука начинается с того, что в уме несчастного прочно поселяется демон, который твердит ему, что все добытое знание не полно, а частично и не достоверно. Я верю, что некоторые люди устойчивы к этой инфекции, они просто ее не подхватывают, другие, напротив, заболевают крепко и просто гибнут от нее. Но в России, которую имел в виду Данилевский, было мало мест, где эта инфекция была эндемичной. Дерпт был одним из немногих.

М. Арапов
Толковый
словарь живого
великорусского
языка

⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Известия, 2003. См. особенно главу 6 "Отношение народного к общечеловеческому". С.138 и след. [Первое издание 1871 г.]

Во времена Даля Дерпт пах по утрам, наверное, так же пронзительно, как в мое время: кислым запахом торфа от дыма сотен городских печей, который смешивался с запахом влажного снега. Но вместе с этим, непривычным для русского, скептическим запахом над синеватым снегом городских крыш плыл аромат только что выпеченного хлеба.

Если бы Даль учился в университете лет на десять позже, то, может, этот объединяющий и примиряющий домашний запах ассоциировался у него с гегелевским мировым духом, еще несколько десятилетий спустя — с историзмом, с дарвиновской эволюцией... Но на дворе были еще только 20-е годы XIX в., и общепроницающей была совсем иная идея — идея морфологии.

Вряд ли медицинский студент, даже очень способный и незаурядный (интересовавшийся, кстати, философией), учитывая, что ему нужно было в спешке затвердить несколько тысяч одних латинских анатомических терминов, научиться ставить диагнозы, резать, шить плоть и пилить кости, накладывать швы, вправлять вывихи и принимать роды, даже знал такие слова, как *морфогия* или *метаморфоз*. Тем более, что сама терминология появилась в учебниках и получила широкое признание только в конце 40-х годов (Ричард Оуэн), хотя осмыслил и ввел в обиход эти понятия сам великий Гете, временами считавший не поэзию, а естественнонаучные исследования важнейшим делом своей жизни.

Но идеи морфологии витали в воздухе задолго до появления соответствующей терминологии, и прежде всего среди медиков. И как ни удивительно, эти идеи получили распространение далеко за пределами естественных наук. Принцип классификации, примененный Далем при составлении своего словаря, был как раз морфологическим.

На практике все выглядело как будто бы просто. Стремясь научиться оперировать глаз человека (а Даль, напомним, специализировался именно как хирург-офтальмолог), врач посылал на бойню за бычьим глазом и анатомировал его:

“Глаз человека и высших животных, шар, пузырь из толстой плевы, кожи; это роговая темная, белок, которого перед занят как бы вставленным часовым стеклом, прозрачною или стеклянною роговою; позади ее радужная перепонка, кольцом, обнимающая зрачок, зеницу (пустоту); между стеклянною роговою и радужною водяная жидкость, позади радужной весь глаз наполнен стеклянистою жидкостью, густою и клейкою, а против зеницы сидит хрусталик, как увеличительное стеклышко; толстый глазной нерв, вступив из мозга сзади в глаз, застилает сплошною полостью по нутру стенок шара, объемля стеклянистую жидкость, на которой рисуются видимые предметы” (из “Толкового словаря Даля”).

Если читать внимательно, то описание Даля — это не описание глаза с бойни, а обобщенное описание органа, которое

как раз и стремились получить морфологи. Автор не только игнорирует различия в размерах, но “скрывает” тонкие различия в системе кровеносных и лимфатических сосудов, иннервации: не говорит, что в бычьем глазе непропорционально увеличено по сравнению с глазом человека, что уменьшено, что срослось, какая часть сложного целого чуть сдвинута относительно другой, от части какой сохранился только след...

Морфолог верит в некую чудесную силу, которая преобразует один орган одного животного в орган другого, осторожно растягивая его в одном направлении, сплющивая в другом, и одновременно закручивая, порождая при этом гигантское разнообразие, но сохраняя общий план, обеспечивающий сходство органа зрения не только у быка или другого млекопитающего, но у лягушки или тритона. У каждого из них орган зрения остается *гомологом* глаза млекопитающего. То есть морфолог видит перед собой глаз не конкретного животного, а глаз “вообще”. Между глазом тритона и глазом человека, как и между колоссальным листом *Victoria regia* и сосновой хвоей, он мысленно выстраивает непрерывный ряд форм, где две соседние практически ничем не отличаются или отличаются самыми незначительными особенностями, вызванными условиями среды, особыми функциями и т.д.

При этом далекие члены ряда, построенного таким образом, могли на взгляд неподготовленного наблюдателя не иметь вообще ничего общего: с одной стороны, рука человека, с другой — грудные плавники кита или крыло птицы. Однако опытный морфолог видел сохранение общего плана, в конкретной реализации которого мог появиться “лишний” сустав, а чешуя трансформироваться в перья...

Именно вера в непрерывность трансформации привела Гете к его первому открытию в области биологии. До него важным отличием человека от обезьяны считалось отсутствие межчелюстной кости (*os intermaxillare*). Гете в юности увлекался физиогномикой — определением характера человека на основании строения его лица, — поэтому строение костей черепа его очень интересовало. Занимаясь в Иене в 1784 г. анатомическими исследованиями, Гете, нашел эту кость, плохо различимую у взрослого человека, так как она срастается с костями верхней челюсти. Для него это открытие стало бесспорным торжеством морфологического принципа.

Гете не только рассуждал об инвариантах органов и архетипах, сохраняющихся при таких преобразованиях. Он однажды взял лист бумаги и нарисовал Шиллеру “растение вообще”. Свое знаменитое *Urpflanze* — *прарастение*, идеал, в осуществлении которого природа видит свою основную задачу, достигая ее более или менее полно в своих реальных произведениях.

Вот здесь нашему современнику несложно впасть в заблуждение: “Так, значит, Гете считал, что все растения — от овса до секвойи — произошли от этого худосочного росточка?”. Нет,

СУДЬБА

¹⁰ Матвиевская Г.П. Натуралист Владимир Даль // Вопр. естествознания и техники. 1999. № 4.

¹¹ Может, это и чистое совпадение, но в XVIII–XIX вв. среди авторов знаменитых словарей было изрядное количество врачей. Практически одновременно с Далем к составлению знаменитого “Тезауруса Роже” приступает Питер Марк Роже. Когда в 1840 г. он оставил врачебную практику, ему был 61 год, а работу над словарем он закончил в возрасте 73 лет. Почти одновременно (1863–1873) со словарем Даля выходит мону-ментальный “Словарь французского языка”, составленный Эмилем Литре (1801–1886) — врачом, ровесником Даля. Наконец, под боком у Даля работал другой его ровесник и коллега, тоже врач и в своей стране не менее известный, чем Даль, фольклорист Элиас Леннрот (1882–1884 гг.), который собрал воедино финский эпос “Калевала” и превратил финский язык в литературный язык своей страны (кстати сам-то он был шведом, а не финном).

человеку его времени категории вроде “произошло”, “развилось”, “возникло из” воспринять было бы настолько трудно, насколько нам сейчас от них трудно отказаться. Современнику Гете Творец меньше всего напоминал инженера, который, сконструировав “платформу” мобильного телефона или автомобиля, навешивает на нее дополнительные “прибаамбасы”. Творец в каждом новом своем создании, варьируя форму в связи с условиями среды, пытается воплотить замысел, общий для всех форм. А ученый — этот скрытый замысел разгадать, *рас-толковать*.

Не любые два органа, выполняющие одинаковую (или сходную) функцию, являются гомологами. Между глазом стрекозы и мышью нельзя построить непрерывной цепочки переходных форм, здесь нет непрерывной трансформации: эти органы *аналоги*, но не гомологи. Рог у нарвала только аналог рога у быка...

Позже, оказавшись на Южном Урале, Даль, дополняя свои медицинские знания, серьезно займется описанием флоры и фауны края, приобретя квалификацию профессионального систематика. Именно за эти заслуги¹⁰ его изберут членом-корреспондентом Императорской Академии наук по разряду естественных наук Отделения естественных наук (21 декабря 1838 г.). Когда в 1841 г. в Императорскую Академию наук вошла Российская академия наук в качестве ее II-го “гуманитарного” Отделения, то по причине какой-то бюрократической путаницы, или уже зная Владимира Ивановича Даля как литератора, его стали числить по II-му отделению. Даль очень оби-делся.

Но что может быть более соблазнительным, чем применить морфологический подход к изучению языка?¹¹ Соображаясь с условиями употребления, слово приобретает или утрачивает дополнительные “суставы” или, например, покрывается “чешуей”, обрастает “перьями”. Берет, например, Даль слово *га-ить* или *гаять*, которое в Рязанской и Ярославской губернии используется в значении ‘крыть нечто, укрывать, чинить’, и присоединяет сюда *гойть* ‘лечить рану’ (то есть перевязывать, прикладывать к ней травы, защищать от нагноения). С другой стороны, Даль видит, что *гойно* — это ‘нечто спрятанное, укрытое’, например, ‘логово или хлев’, тогда как *загаить*, естественно, ‘создать укрытие, затворить’, а *разгаить*, наоборот, ‘раскрыть, растворить’. Покрывая землю (ветками, сучьями, бревнами), мы ее *гатим*, то есть ‘мостим’, создавая, иногда *загаины* — ‘кучи, груды’.

Так у Даля появляется *толкование* слова, то есть догадка об *общем замысле*, воплощенном в целом словарном гнезде. Обычная словарная дефиниция, если и включалась в статью (например, для заимствованных слов, научных и технических терминов), то играла в ней второстепенную роль. Словами, явно принадлежащими к данному гнезду, но ничего не добавляв-

шими к раскрытию сокровенного замысла, Даль просто пренебрегал. Он опускал наречия с прозрачным значением, сравнительную и превосходную степень прилагательных, уменьшительные существительные; причастия или деепричастия включались в словарь только спорадически. Например, слово *гадкий* в словаре есть, но *гадко*, *гаже*, *гадость* — отсутствуют; *горячий* будет, но *горящий* — нет, *глазок* будет включен, так как имеет самостоятельное значение, не выводимое из значения слова *глаз*, но формы *глазенки* в словаре вы не найдете.

Пройдет столетие после выхода словаря Даля, будет накоплено много дополнительных фактов, и окажется, что его догадка в отношении *гаить* и его места в “гнезде” в значительной степени не верна, многим словам, включенным в гнездо (вроде “гать”) там вообще не место. И так очень часто.

Но нередко в морфологических изысканиях Даля есть зерно правды. По отношению к приведенному гнезду “общая идея” существует, но это не “укрытие”, а “здоровье”: *гойть* прежде всего обозначает “лечить, оздоравливать”, а “гой” (“гой еси, добрый молодец”) — вопреки Далю, который разнес “гой” и “гой” по разным гнездам, — как раз имеет отношение к *гойть*: это славянский аналог латинского *vale* “будь здоров!”.

Кстати, о “зерне правды”. Если читатель уловил в моих словах снисходительную интонацию, то это никак не соответствовало моим намерениям. Чтобы кое-что добавить к догадкам Даля и немного их уточнить, потребовались десятки лет каторжной работы многих людей, среди которых были весьма проникательные. А для оценки достижений большинства из них больше подходил бы образ не “зерна”, а “пылинки правды”, но и этими “пылинками” они могли бы заслуженно гордиться.

И в наши дни лингвисты не прекратили изобретать весьма шаткие гипотезы, используя те же соображения, что и Даль. Например, всем известны слова *косой* и *косынка*. Но *косой* — прилагательное, а суффикс *-ка* — к прилагательным не присоединяется. И тут начинаются поиски подходящего существительного — своего рода “межчелюстной кости”. Недостающее звено между *косой* и *косынка* должно было бы звучать как *косыня* с ударением на последнем слоге. Вполне уместное было бы слово и значило бы оно ‘ткань, разрезанная по косой нитке’, тогда как — *простыня*, ‘ткань разрезанная по прямой (прямой) нитке’. Даль также чувствовал, что без этого слова русскому языку не обойтись, и ничтоже сумняшеся сам его изобрел, назвав так изгнанную им из языка за иностранное происхождение *гипотенузу*¹².

Библейского Иосифа озадачивают именно поиски общего замысла, скрытого за образами, являющимися во снах. Сначала это сны присных фараона, а потом и самого фараона. И когда Лютер, переводя Библию, искал подходящее слово для обозначения именно замысла истолкованных Иосифом снов, он

М. Арапов
Толковый
словарь живого
великорусского
языка

¹² За глаза изобретателя “протоко-сынки” покойного Николая Максимова Шанского так и дразнили — “ко-сыня”, а тот, кто знал его в лицо, поймет, что шутка была довольно злой. Когда ему незадолго до его смерти сказали, что в древнерусских памятниках “вычисленная” им *косыня* действительно нашлась, Н.М. даже обиделся. Он так был уверен в ее существовании, что эмпирические подтверждения казались ему совершенно излишними.

воспользовался словом *Bedeutung* (Исх. 40:5). “Три дня” из сна виночерпия — это не перевод образа “три лозы”, а между “коровами” и “годами” из сна фараона нет обязательной связи. В другом контексте эти слова приобрели бы уже совсем иное значение. Так же, как идею “благоприятного укрытия” нельзя связать с общей частью слов (во времена Далея эту общую часть называли бы корнем слова), собранных Далем в гнезде “гаить”.

Закрепившееся в немецкой лексикографии название *Bedeutung Wörterbuch* постепенно утратило особый смысл, намекавший на намерение составителя не столько привести синонимы слова и дать указания по его употреблению, но расшифровать содержащийся в словах *message*, их “замысел”. Но сохранилось содержание термина, которое было уловлено Далем и переведено словом “толковый”.

“Не решаюсь еще, как его (десятки тысяч слов, согласование в предложении нарушено самим Далем. — М.А.) расположить, для большего удобства — конечно толковый словарь был бы всего полезнее — то труд едва ли для меня посильный, не одолеешь. Я называю так словарь, где под каждым словом, выражающим какое-либо общее понятие, можно найти все однокоренные [синонимы] с разными отливками и оттенками, а также все слова для обозначения понятий подчиненных...”¹³

Обратите внимание, что одноязычные словари, которые дают как бы “внутренний” перевод слова с помощью других слов того же самого языка, распространены повсеместно, но только в двух европейских языках — русском и немецком — они называются *толковыми*.

Дело не столько во влиянии немецкой культуры на русскую, просто многочисленные словари, которые создавались и создаются в той традиции, начало которой положил “Словарь французской академии” (сюда относится и наш шеститомный “Словарь Академии Российской” 1789–1794 гг.), не ставили перед собой той исключительно сложной задачи — выявить “общий замысел” группы слов с близким звуковым обликом, который поставил перед собой Даль. Эти словари трактовали каждую лексическую единицу как атом. Чужда Далю была радикальная и очень простая мысль его современника Роже: вообще махнуть рукой на звуковое сходство слов и собрать вместе все самые разные по внешнему облику способы выразить данный смысл. Эта идея привела к появлению словарей-тезаурусов. Даль замер где-то посередине между тезаурусом и обычным толковым словарем наших дней.

(Продолжение следует)

¹³ Из письма Далея Гречу 1851 г.

СУДЬБА

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО СОЗДАТЕЛЬ

М. В. Арапов

“Сам даже не знаю, что у меня вышло”

В. И. Даль (о своем словаре)

Военный врач. В то время, когда Даль, орудуя скальпелем в прозекторской, на практике постигал суть морфологического подхода, он едва ли еще думал о будущем словаре. До словаря был еще долгий путь. Но счастливые дни учебы в Дерпте неожиданно для Даля оборвались.

В начале 1828 г. он получил казенную стипендию и как “казеннокоштный” студент-медик тут же был взят в армию, поскольку началась очередная русско-турецкая война.

Хотя Даль проучился всего три года, местная профессура, видимо, высоко ценила способности и прилежание студента. Ему дали возможность в ускоренном порядке закончить университет. 15 февраля 1829 г. он в один день сдает экзамены по 15 предметам курса медицинского факультета, а 18 марта защищает докторскую диссертацию по медицине и уже на следующий день отправляется в действующую армию на Балканы.

К этому моменту у Даля накопилось столько записей со словами, что молодой врач загрузил ими целого верблюда¹. Этот верблюд стал героем не одного анекдота. Но, рассказывая их, современники, насколько можно судить по их воспоминаниям, не заметили, что характер у нашего героя далеко не заурядный.

С одной стороны, внешне Даль — открытый человек, весельчак и балагур, душа общества и всеобщий любимец, который, словно дурачась, то напишет стихи, то займется выдуванием фигурок из стекла... Но за этой легкостью — величайшее упорство, хочется сказать “маниакальное”, категоричность мнений, которые он с годами научится скрывать или высказывать весьма осторожно и осмотрительно.

Сохранилась любопытнейшая попытка Даля проанализировать свой собственный характер. Повесть “Мичман Поцелуев” он написал, когда ему было уже под сорок лет, она, конечно, отдает дань тогдашней литературной традиции “романтичес-

Продолжение. Начало см. Человек. 2009. № 1.

¹ Верблюда, правда, захватили турки, но записями не интересовались, и через одиннадцать дней верблюд был отбит казаками и возвращен хозяину. Si non e vero, e ben trovato (не важно, что неправда, зато здорово придумано).

кой рефлексии”, но много в ней личного и искреннего, хотя и относящегося к раннему периоду его жизни.

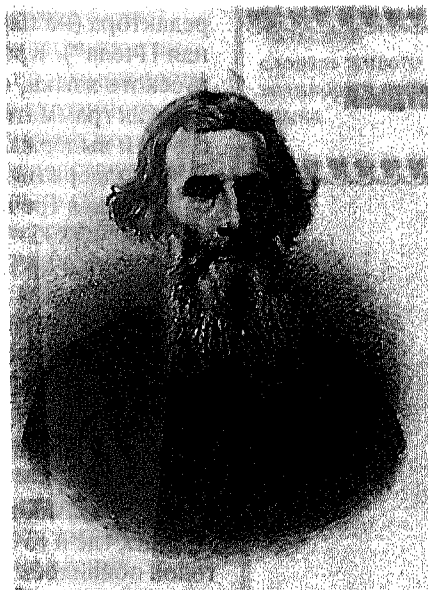
В центре повести судьбы трех человек: воспитанника Морского корпуса, мичмана Смарагда Поцелуева, незадачливого стихотворца и всеобщего любимца, который на наших глазах мужает, проходит через разные жизненные перипетии, но остается тем же славным малым. У Смарагда есть тень — его самозванный опекун и наставник, армейский офицер с причудливым именем барон Губерт Рудольфович Адель фон Адельсбург.

Адельсбург гораздо старше Поцелуева. Малосимпатичный замкнутый педант, с неуживчивым и несколько нелепым характером, само воплощение тяжеловесной тевтонской рыцарственности и упорства. Это, конечно, не совсем живой человек, а гротеск. Чего стоит уже одно противопоставление имен Адельсбурга и Поцелуева. Барон готов крайне добросовестно заниматься самым нелепым делом — учить шагистике матросов, которые совершенно неспособны серьезно относиться ни к ненужному им строевому шагу, ни к своему наставнику. Бог ведает, видел ли Даль в Адельсбурге свое alter ego, но на протяжении большей части повести Поцелуев не только пытается отделаться от опеки нелепого немца, но в чем-то его жалеет и по-своему даже любит.

Но если и Адельсбург и Поцелуев стремятся найти свое место в жизни, причем первый в основном неудачно, то третий герой повести, военный чиновник Степан Иванович Суходольный — образ очень близкий к образу Максима Максимовича у Лермонтова, — к зависти обоих первых героев, живет, как бы вообще не задумываясь о своем месте в жизни, а просто в каждый момент времени делает то, что нужно. Может быть, автор считал, что именно этого умения не хватает ему самому — характер у нашего великого лексикографа был очень непростым.

Были у Даля и будни военного врача, первые литературные опыты, борьба с холерой, снова участие в военных действиях. На этот раз — в подавлении польского восстания 1830–1831 гг. Затем служба в петербургском госпитале. Вскоре Даль — не только успешный и популярный врач, но и участник блестящего кружка петербургских литераторов.

Сказочная история, или Роль III отделения в развитии русской филологии. В начале 30-х годов Даль завел одно знакомство, которое оказалось в дальнейшем весьма полезным, с еще одним петербургским немцем — Николаем Гречем. Греч был старше Даля (он родился в 1787 г.), журналист с репутацией, которую сейчас назвали бы “неоднозначной”, и опытом

Портрет
В.И. Даля
1860-х гг.

редактора (на пару с Булгариным они издавали газету “Северная Пчела”). Кроме того, он считался знатоком грамматики русского языка, и до 60-х годов XIX в. его учебник “Краткая русская грамматика” считался стандартным учебным руководством и выдержал множество изданий. Уехав из Петербурга, Даль поддерживал это знакомство заочно, участвуя в редактировавшемся Гречем “Энциклопедическом лексиконе Плюшара” (Спб., 1835–1841), прекратившемся на букве Д. В эту энциклопедию он написал несколько десятков оригинальных статей, большей частью об Оренбургском крае и этнографии народов Средней Азии. В 60-е годы Даль, который жаловался, что сам плохо знает русскую грамматику, пользовался помощью Греча (вероятно, бескорыстной) при составлении “Словаря”. “Заметки этого заслуженного уставщика грамоты были мне крайне полезны, охранив меня от многих промахов...”, — писал Даль.

Но, видимо, в начале 30-х годов Даля все время тянуло в Дерпт, где в то время учился его брат Павел. В начале 1830-х годов появилось очень соблазнительное для Даля предложение занять вакантную должность профессора русского языка и словесности Дерптского университета. Правда, Даль был доктором медицины, но не филологии. Но как раз в 1832 г. вышли “Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый”.

После выхода в свет в 1812 г. *Kinder und Hausmärchen* (“Детские и семейные сказки”) братьев Гримм собрание сказок — уже признанное и респектабельное научное занятие. Вполне понятно, что ректору Дерптского университета Ф. Парроту удалось убедить нового министра народного просвещения С.С. Уварова, слывшего прогрессистом, разрешить представить опубликованные Далем сказки в качестве докторской диссертации по филологии.

Но тут с Далем или, лучше сказать, между Далем и правительством происходит очередная абсурдная история. Подробно-сти запрета “Сказок”, кратковременного ареста и освобождения Даля многократно описаны, поэтому не будем останавливаться на них подробно. Естественно, что в новых обстоятельствах из назначения Даля на кафедру ничего не вышло, и Даль навсегда был изолирован от европейской филологической науки. А вернись он в Дерпт профессором русского языка, история русской лексикографии могла пойти совсем иным путем.

Еще в 1812 г. почтенный и несколько чудакватый немецкий лексикограф Франц Пассов (*Franz Passow*) опубликовал работу², которая открывала новую эпоху в филологии³. В своей статье он сформулировал требования, которым должен отвечать современный словарь. По существу он предложил включать в словарь только *факты*, четко отличая их от мнений

² Zweck, Anlage und Ergänzung griechischer Wörterbücher.

³ Кроме того, что он был составителем авторитетного древнегреческо-немецкого словаря, Пассов еще известен как энтузиаст гимнастики и должен был бы считаться предтечей преподавания в вузах физвоспитания.

и теоретических построений. А факт в данном случае — это употребление слова в определенное время, подкрепленное цитатой из авторитетного литератора, выбранной по возможности так, чтобы контекст позволял установить смысл сказанного. В таком словаре не могло быть слова *косыня* и ничего похожего.

Статья Пассова, имевшая неисчислимые последствия для филологии во всем мире, стала шагом, решительно сближавшим филологию и естественные науки, в основе которых с начала нового времени лежало именно четкое разграничение фактов, с одной стороны, и теории — с другой.

Но дело не только в разграничении фактов и догадок. Лексикограф, расположив собранный материал в хронологическом порядке, подобрав цитаты “классиков”, нередко убеждался, что зачастую невозможно дать слову какое-то одно толкование: иногда от первоначального смысла мало что оставалось, а классики даже одной эпохи нередко расходились в своем понимании слов, особенно если эти слова имели отвлеченное значение. Напротив, у Даля, который не пытался взглянуть на собранный материал под таким углом зрения, не возникало даже мысли о таких контроверзах. В одной из своих статей, он рассказывает, как, помогая философу разобраться с различием слов “ум” и “разум”, привел все поговорки (типа “Ум за разум зашел”) и пословицы (“Ум хорошо, а два лучше”)⁴. Из текста статьи трудно сказать, к какому выводу пришел философ (вероятно, редактор “Москвитянина”, где часто публиковался Даль, — М.П. Погодин), но сам Даль в “Словаре” определил ум как способность мыслить (*ratio*), а разум — как способность приходить к правильным выводам (*intellectus*). Остается, правда, загадкой, как отсюда вывести смысл поговорки “ум за разум зашел”.

Если вы сравните второе и третье издание словаря Даля (под редакцией И.А. Бодуэна де Куртенэ), в последнем вы увидите попытки следовать именно принципам Пассова, которые в начале XX в. давно уже стали альфой и омегой лексикографии. Редактор нового издания, хотя и клянется в верности Далю, пытается ввести в него, кроме собранных самим Далем пословиц и выражений, которые существуют как бы вне исторического времени и пространства, цитаты из Пушкина, Гоголя и т.п. Но это были (как бы это сказать помягче?) попытки скрестить ужа и ежа, что признавал и сам проницательный редактор издания. Словарь Даля остался словарем XVIII в., хотя и исключительно ярким и своеобразным⁵.

Впрочем, несмотря на авторитет Пассова, который начал воплощать в жизнь свои методологические принципы с 1819 г., дополняя древнегреческо-немецкий словарь Иоганна Шрейдера, его работа, может быть, и прошла бы незамеченной, если бы с 1838 г. взгляды Пассова не получили поддержку братьев Гримм, когда они приступили к работе над своим великим “Словарем немецкого языка”.

М. Арапов
Толковый
словарь живого
великорусского
языка

⁴ Луганский (Даль) В. Полтора слова о нынешнем русском языке / Полн. собр. соч. С. 537–561. Первоначально в журнале “Москвитянин”. 1842. Ч. 1. № 2. С. 554–556.

⁵ О принципиальной роли статьи Пассова см., например, предисловие 1925 г. к известному словарю Henry George Liddell, Robert Scott. A Greek-English Lexicon.

Как только замысел братьев Гримм стал ясен, Европу охватила настоящая горячка составления национальных словарей. Составление самого "Словаря немецкого языка" растянулось более чем на столетие (первый том вышел в 1854 г., а последний аж в 1960 г.!), но это было уже не так важно: один за другим появлялись национальные словари, все более подробные и полные. Это не значит, что проблемы описания такой рыхлой подсистемы языка, как словарь, стали окончательно ясны.

В направлении, намеченном Пассовым, пошел и российский Академический словарь 1847 г.⁶, но по разным причинам словарь получился неудачным, и по-настоящему Россия в эту гонку словарей не включилась, ее очередь придет только в XX в., а детище Даля будет выглядеть как после Синопа выглядела парусная эскадра Павла Нахимова, соученика Даля по Морскому кадетском корпусе. Триумф и одновременно тупик. Оба одержали блистательную победу, но выиграли не ту битву.

Чиновник для особых поручений на далекой окраине Империи. Едва разрешилась история с публикацией сказок, как в судьбе Даля происходит еще одна серьезная перемена. Он женится на Юлии Андре и в 1833 г. уезжает из Петербурга, чтобы занять пост чиновника по особым поручениям при военном губернаторе Оренбурга молодом генерале Василии Алексеевиче Перовском. Понятно, почему это был В.А. Перовский. Последнему Даля сосватал, скорее всего, все тот же добрейший В.А. Жуковский, старый друг 38-летнего генерала. Но зачем популярному врачу нужно было вдруг по собственной воле отправляться в Богом забытый Оренбург?

Кажется, мы нашли ответ на вопрос, почему будущий словарь стал толковым. Возможно, здесь в глухой провинции на границе Европы и Азии, мы найдем ответ на вопрос, почему Даль назвал свой труд словарем "живого" и "великорусского" языка.

Отъезд Даля в глушь объяснялся, скорее всего, очень просто: Даль был ошеломлен и напуган тем, что произошло с ним в III Отделении. Повторялась история десятилетней давности, случившаяся в Николаеве. Правда, сейчас его выпустили быстро и даже извинились. Но тогда он был никем, юным мичманом, а теперь он врач, боевой офицер, награжденный несколькими орденами, да еще и семейный человек, а вновь повторяется та же история. Нет, нужно как батюшка, спрятаться в глуши, затаиться под крылом надежного человека, потеряться в недрах самой этой бюрократической машины. Как напишет спустя много лет поэт: "Запихай меня лучше, как шапку, в рукав //Жаркой шубы сибирских степей".

Нам, отгороженным от той эпохи мифом о революционных демократах, которые с властью были "на ножах", сейчас трудно понять, что "на ножах" с ней было ничтожно мало людей. А для Даля мысль, что эта власть, которой он служил искренне

⁶ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. Репр. изд.: В 2-х кн. СПб.: Изд.-во С.-Петербургского ун-та, 2001.

и храбро, ему не доверяют, была невыносима. Уже позднее, добиваясь должности в Петербурге, он напишет:

“Последние восемь лет, с 1833 года, я служил при оренбургском военном губернаторе. Облагодетельствованный им во все время это свыше всякой меры и заслуги, я, не выходя из пределов скромности, смею думать, что милость и доверие такого лица не могли пасть на человека вовсе недостойного, неблагomyслящего. Несправедливые, незаслуженные подозрения по делу, которое привыкли мы сызмала считать главным и важнейшим после истин спасительной веры, должны убивать человека духовно, отравляя все минуты жизни его. Вот мое положение!”

Мы сейчас рассматриваем “Автобиографическую записку” Дalia как вынужденное унижение, а ведь это всего лишь парафраз лютеровского “Катехизиса”, где речь идет о молитве “Отче наш”. Вот как там толкуется смысл моления о “хлебе насущном”:

«Слово “хлеб” [...] включает все, в чем мы действительно нуждаемся в этой земной жизни: пищу и одежду, кров и защиту, возможность работать и честно жить, семью и друзей, правительство и т.п. “Порядок” — это когда каждый повинует законным властям — и особенно — когда в своей моральной жизни каждый руководствуется Законом Божиим. “Честь” — это наше доброе имя и репутация»⁷.

Итак, Даль в третий раз меняет направление своей карьеры. Мечты о кафедре в Дерпте пошли прахом, теперь он чиновник, коллежский ассессор с жалованьем в полторы тысячи рублей в год.

Не думаю, что в Оренбурге Даль очень скучал по столице, как не скучал и позже, после переезда в Нижний. Он вырос провинциалом: родился на слободской Украине (Луганск), начал службу в Новороссии (Николаев), учился в Дерпте... Если не считать учебы в Морском кадетском корпусе, то до отъезда в Оренбург в столице он жил совсем недолго. Только позже, зрелым человеком он ближе познакомится собственно с центральной Россией, собственно с Великороссией. Пока Великая Россия для Dalia загадка, и он смотрит на нее как бы извне.

В словах “Великая Россия”, которые вошли в употребление с XVI—XVII вв., никакой особенной попытки самовозвеличения не было, только в XIX в., когда между центром и периферией (Малороссия, Польша), где Даль провел много времени, возникло изрядное напряжение, слово Великороссия приобретает яркую идеологическую окраску.

Обычно какую-то часть страны начинают называть “великой” как раз не ее жители, а люди совсем посторонние. Образец здесь “Великобритания”, которую так называли не англичане или шотландцы, а французы. Для них на их собственной стороне пролива Ла-Манш существовала Бретань (Bretagne) и остров Grande Bretagne — на противоположном берегу. Дело было не столько в размерах второй Бретани, сколько в ее удаленности и “размытости” ее границ, терявшихся где-то на Се-

М. Арапов
Толковый
словарь живого
великорусского
языка

⁷ Лютер М. Краткий катехизис. Duncanvill. USA World Wide Printing, 1998. С. 243.

вере (“А Бог ее ведает, где она там кончается!”). Англичане воспользовались введенным соседями противопоставлением, но осмыслили его по-своему: они поняли, что сами живут в Великобритании (Great Britain), а французам оставили Brittany; суффикс -у имел в данном случае уменьшительное значение (нечто вроде Малобритании, надеюсь, что аналогию можно дальше не расшифровывать).

Что до России, то “великой” ее окрестили греки: впервые выражение *Mēgalē Rhōssia* встречается в 1347 г., оно было введено константинопольской патриархией в противоположность *Mikra Rhōssia*, то есть Малороссия. Причем вторая была как бы своя, “домашняя”, давно освоенная, так как на ее территории издавна существовала митрополия, а во главе ее — назначаемый Константинополем митрополит, а вторая — такая же далекая и неопределенная, как Великобритания для французов⁸. Название закрепилось, так как подобный способ номинации был свойствен и русскому языку (названия Великий Новгород, Ростов Великий и подобные им подразумевают, что где-то существует еще один Новгород, еще один Ростов). Сами названия, включавшие компонент “великий, большой”, возникнув, многократно переосмысливались, так как в силу своей экспрессивности представляли чудный материал для упражнений в риторике⁹.

Но как бы ни переосмыслялось понятие “великорусский”, “великоросс” (образованные под влиянием “Великой России”), в них сохранялся некоторый первоначальный, архаический элемент — намек на разомкнутость метрополии, неопределенность ее границ, на царящую в ней пестроту, на слабую внутреннюю интеграцию по сравнению с “малыми” социумами на ее границе¹⁰.

Большая часть собранной в словаре Даля лексики (около 80%) вообще не связана с какой-либо областью, составитель полагал ее известной всей образованной части общества. Из попавшей в словарь лексики, снабженной в словаре Даля пометами о своем распространении, около половины собрано в трех не очень-то густо населенных регионах. На Севере (это преимущественно Астраханская, Вологодская, Олонецкая губернии) — 18% словарных единиц и на исторически тесно связанном с ним Северо-Западе (Новгородская и Псковская губернии) — 12%, а также в Черноземье (Воронежская, Курская, Рязанская, Тамбовская и некоторые другие губернии) — 17%. Оставшаяся часть материалов представляет Нечерноземье, районы Вехней и Средней Волги (менее 20%). Самый запад России и Новороссия дали еще 7–9% слов, а на Урал и Сибирь приходится менее 10% материала. Практически нет примеров из Москвы, Подмосковья и из С.-Петербурга.

В противоположность метрополии окраины, населенные казаками (прежде всего уральскими, с бытом которых Даль хорошо познакомился за время своей службы в Оренбурге), были для

⁸ См.: Фасмер М. Этимологический словарь. В 4 т. Т. 1. М., 1986. С. 289.

⁹ Покойный акад. О.Н. Трубачев считал, что, кроме того, у славян географическая единица, получившая название “великой”, как правило, была расположена к северу от единицы, которая называлась “малой”.

¹⁰ Примерно эти признаки считает определяющими для империи в противоположность национальному государству С. Каспэ (Размышления о входе в империю // Эксперт. 2005. 17–23 октября. С. 124 и сл.).

него близки к идеалу: разноплеменное по своему происхождению, казачье общество было сцементировано жесткой, но не формальной армейской, а сознательной дисциплиной, без которой было не выжить на границе. Далю импонировала их постоянная готовность перейти от мирной к военной жизни, восхищало четким и естественно сложившимся распределением обязанностей между членами общества как во время военных действий, так и коллективных промыслов, традиционных обрядов, где каждая вещь и действие имели свое место и привычное название. Отчасти это отразилось в энциклопедических очерках, включенных Далем в словарь в виде фрагментов словарных статей, эти очерки составляют около 8% объема словаря.

Отражением гармонии казачьего общества казался Далю лаконичный стиль их речи:

«Я бы, например, написал: “Казак оседлал лошадь как можно поспешнее, взял товарища своего, у которого не было верховой лошади, к себе на круп, и следовал за неприятелем, имея его всегда в виду, чтобы при благоприятных обстоятельствах на него напасть”. Спрашивается, годится ли это, хорошо ли написано? Свидетельствуюсь теми, которым я показывал и этот пример, в числе многих других, все говорили: хорошо; живешь, похерить нечего. Ну, а [если бы] я бы написал вместо того вот как: “казак седлал уторопь, посадил бесконного товарища на забедры и следил неприятеля в назерку, чтобы при спопутности на него ударить”. — Сравните и решите, что лучше и как бы должно писать и говорить. Если вы скажете, в чем почти не сомневаюсь — оно, конечно, так лучше, да к этому мы не привыкли...”¹¹

Настоящую фасцинацию¹² вызывали у Даля обитавшие на Южном Урале тюркские народы, по обычаям своего времени всех их он называет татарами. Быт и нравы этих народов имели, конечно, очень много общего с казаками. Дело дошло до того, что тюркским именем Аслан Даль назвал даже своего сына (имя Лев, под которым он был известен вне семьи, буквальный перевод слова Аслан). Элементом быта этих народов посвящен целый ряд статей, написанных Далем для “Словаря Плюшара”. Приведенный в отчаяние запутанной русской грамматикой с ее бездной исключений, Даль был в восторге от регулярной и прозрачной морфологии агглютинативных тюркских языков¹³. Напротив, великорусская метрополия, оберегаемая возлюбленными им рейнджерами, внушала ему недоверие своей анархичностью и внутренним нестроением. Хотя, конечно, именно здесь находился источник закона и административной власти, которые, если судить по используемым словам, приковывали пристальное внимание не только Даля, но и вообще образованного класса в его время.

На основании словаря Даля можно выделить несколько категорий слов, которые были очень значимы для русской литературы первой половины XIX в. В первые пять по численности

М. Арапов
Толковый
словарь живого
великорусского
языка

¹¹ Луганский (Даль). Полтора слова о нынешнем русском языке.

¹² Фасцинация (англ. *fascination* — обаяние, очарование) — 1) общее название для эффектов поведения, индуцированного специально организованным вербальным (словесным) воздействием; 2) мотод вербального воздействия, то же, что внушение. — Прим. ред.

¹³ Агглютинирующие языки — языки, характерным морфологическим признаком которых является осуществление словообразования и словоизменения при помощи агглютинации (образование в языках грамматических форм и производных слов путем присоединения к корню или к основе слова аффиксов, имеющих грамматическое и деривационные значения. Аффиксы однозначны, т.е. каждый из них выражает только одно грамматическое значение и для данного значения всегда служит один и тот же аффикс). — Прим. ред.

СУДЬБА

категорий попадает примерно половина всех слов, включенных в словарь Даля. У Даля эти категории — слова, описывающие психические состояния человека, растительный мир, животный мир (исключены домашние и сельскохозяйственные животные и связанные с ними слова, которые составляют особую категорию), звуки (*гром, громкий, грохотать и т.п.*) и, наконец, слова, связанные с управлением и властными функциями. Я выбирал их из гнезд на букву Г. Это такие слова, как *государь, городской, городской, городничий, губернатор, губерния, градоправитель, гильотина* и проч.

С некоторыми изменениями те же классы слов наиболее многочисленны у виднейших из современников Даля — литераторов. Если у Даля по своей численности “административные” понятия на пятом месте¹⁴, то у Пушкина [хотя запас слов, использованных в его текстах, в несколько раз меньше числа слов, собранных Далем (25 тыс. против 125–130 тыс.¹⁵)] “административные” понятия на втором (!), то же самое справедливо по отношению к текстам Достоевского; у Лермонтова и у Грибоедова — “административная лексика” на третьем месте¹⁶.

Позже мы еще вернемся к этим классам слов, а пока постараемся понять природу этой увлеченности Даля и его современников идеями “законности и порядка”. И здесь мы должны отметить, что с точки зрения “законности и порядка” состояние самого “корня империи”, откуда в направлении границ империи должна была идти воля и авторитет, вызывало у Даля тревогу. В отличие от многих своих знаменитых братьев по перу, он смотрел на проблему шире, считая, что “нестроение” в политическом классе (назовите его как угодно: “начальство”, “чиновничество”, “дворянство”) — порок не самого этого класса, а низкой морали всего общества. Однако жизнь уже научила его осторожности. Даль, осознавая свою уязвимость как иностранца, лютеранина, как человека, уже бывшего под судом и следствием, избегал опасных обобщений подобного рода.

На взгляд провинциала... Даль охотно пользовался относительной свободой, которую в далекие от либерализма 40-е годы давал жанр модного “физиологического очерка”, пришедший в Россию из Франции. На первый взгляд его очерки “Беглянка”, “Сухая беда”, “Находка” и др. — это только как бы суховатое, лишенное эмоций, чисто этнографическое описание крестянства, где автор, как кажется, выступает безличным объективным регистратором не всегда симпатичных нравов и обычаев. Изредка Дalia упрекали в “грязефильстве”, но, на мой взгляд, читали его довольно невнимательно, иначе критика не была бы столь снисходительной. По-моему, и Белинский, который по поводу очерка, о котором пойдет речь ниже, написал, что автор “так хорошо знает русский народ и так верно схватывает самые характерные его черты”¹⁷, плохо понял Даля.

Возьмем этот очерк — “Петербургский дворник”, — который Даль с минимальными изменениями опубликовал дважды

¹⁴ Для сравнения все, что связано с речью, — только на десятом.

¹⁵ С учетом приведенных Далем диалектных вариантов одного слова и слов, присутствующих в примерах и толкованиях, около 200 тыс.

¹⁶ Если “вес” лексики с определенным содержанием определять не числом соответствующих слов, а учесть их употребительность (частоту употребления), никаких принципиальных изменений не будет, позиция административной составляющей сместится на одну позицию вверх или вниз, но она останется в “первой пятёрке”.

¹⁷ Цит. по: Пору-доминский В. В.И. Даль. М., 1971. С. 237.

(в 1844 и 1846 гг.)¹⁸. Можно предположить, что за модель тут как бы выбран благостный рассказ о каком-нибудь трудолюбивом немецком Грегоре, который не просто усердно метет улицу, а буквально вылизывает каждый квадратный дюйм перед домом, порученным его заботам. Грегор полон достоинства, но в то же время готов помочь любому жильцу дома. Все, что утеряно у дома, находящегося под его опекой, будет найдено и бережно сохранено и т.д. Каждый заработанный и подаренный ему талер или флорин Грегор бережно хранит, чтобы осуществить свою мечту о собственном деле. Почти так же живет, как бы копируя Грегора и радуя своего хозяина, его “двойник” петербургский дворник Григорий.

Но, внешне копируя “двойника”, Григорий люто ненавидит все, что делает и во что верит Грегор. Полируя до блеска дом и участок, он приходит в свою каморку и тут уж в полную меру отводит душу: он не просто неопрятен, он культивирует грязь, он пакостит вокруг себя с той же истовостью, с которой чистит хозяйскую собственность. Внешне вежливый и корректный, он при малейшей возможности гадит ближнему. Он охотно объяснит дорогу прохожему, но направит его в противоположную сторону. Найденное он припрятает и сохранит, но отдаст, только если при этом сможет извлечь для себя выгоду. Тайно дает деньги в рост. А, судя по тому, как Григорий изловчился “богата по фене”, он имеет дело и с уголовным миром, не прочь купить и краденное. Единственная ценность, которая для него реальна, — это семья в далекой деревне, он ее кормит и копит для нее.

Если ему удастся скопить заветные несколько сот рублей, Григорий станет деревенским лавочником, внешне предельно жалким, но реально совсем не бедствующим и столь же сознательно и последовательно отвергающим торговую мораль, как он отвергал мораль ремесленную и любую другую:

“...Если вы думаете, что Григорий при таких оборотах из-за хлеба на квас не заработает, так ошибаетесь; он человек бывалый: деготь у него будет такой нескончаемый, что он из одной бочки, в разницу две, либо три нацедит; мед он пластает и размазывает так мастерски, что коли за чаем не высосешь картузной бумаги, на которую наклеит он четверку, так и вкусу этому меду не узнаешь. А веревки, наконец... да веревкам его конца нет; он меряет их маховыми саженьями, и намахает вам их столько, сколько угодно, вот только в глазах рябит, как пойдет разводить руками; дело дорожное — взять негде, так и берут”¹⁹.

Как писал один фольклорист того времени, близко сошедший с приказчиками: «Когда продавцу удастся применить сразу несколько видов обвеса, то такой обвес на приказчицьем профессиональном жаргоне назывался “семь радостей”».

В своих очерках и рассказах Даль многократно возвращает к этой теме озлобленного анархического протеста “великороссов” против любой морали, протеста, готового в любой мо-

М. Арапов
Толковый
словарь живого
великорусского
языка

¹⁸ Очерк “Петербургский дворник” опубликован Н.А. Некрасовым в сборнике “Физиология Петербурга”. СПб., 1845. Ч. 1, а до этого публиковался в “Литературной газете”.
¹⁹ Петербургский дворник.

мент перерасти в открытую форму. Время показало, что его страхи нисколько не были преувеличенными²⁰.

Даль считал, что причина — в глубоком разломе между образованным обществом в России и готовой к взрыву анархической массой, причем оба слоя общества, с его точки зрения, говорят на разном языке. Он не разделял распространенного среди его современников убеждения, что образование и грамота способны поднять мораль таких людей, как Григорий²¹. Но образованное сословие должно по крайней мере понимать язык основной массы, что живет в центре империи, быть в состоянии назвать те предметы, их качества и свойства, понять основные действия с этими предметами.

Поставить великорусский язык в природную колею. Даль назвал свой словарь “великорусским”, вероятно, потому, что, взяв за основу язык образованного сословия (иногда, игнорируя условности научного текста, он прямо обращается к своему читателю; например, в статье *гладить* он приводит рязанское *гладило*, поясняя его значение: “любовник, в *нашем* значении”), он пытался расширить запас его слов и понятий, систематически связывая широко употребляемую образованным сословием лексику с лексикой говоров центра России (в том своеобразном понимании центра, которое мы обсуждали выше), где собственно и жило большинство образованного сословия.

Большая часть составленных словарных гнезд — своего рода “воронки”: на поверхности лежат хорошо знакомые образованному сословию слова, но морфологический принцип объединяет их с материалом, который был для этого сословия нов. Именно конструирование такого расширенного языка, а не описание языка какого-то реально существующего социума, было сутью персонального *проекта* Даля. Не так важно, кто советовал Далю заняться составлением словаря, таких людей, по утверждениям его биографов, была масса. Но вряд ли кто-либо советовал ему так дерзко вмешаться в ход развития русского языка. Это лет через сто В.В. Виноградов напишет о том, что «Словарь Даля, стремясь направить литературный язык “в природную его колею, из которой он у нас соскочил, как паровоз с рельсов”, указывал обществу пути синтеза книжных форм речи с простонародными».

Быть может, Даль сам поверил в свой проект в 1833 г., сопровождая Пушкина, занятого сбором материалов для “Истории пугачевского бунта”. Тогда он порадовал маститого поэта словом “выползень” — сброшенная змеей старая кожа. Пушкин, который никогда не слышал этого слова, ужасно обрадовался, а позднее в шутку даже назвал так свой сюртук (тот самый, в котором отправился на свою роковую дуэль).

Этот проект сейчас кажется безумным. И очень плохо вяжется с осторожностью Даля, на которую обращали внимание современники. Речь идет об осторожности, за которой стоял печальный опыт и сознание собственной уязвимости. Но, сталки-

²⁰ В конце концов, Чернышевский, хотя уже значительно позже понял, что о Дале нечего неладное и припечатал его: “У г. Даля нет и никогда не было никакого определенного смысла в понятиях о народе, или, лучше сказать, не в понятиях (потому что какое же понятие без всякого смысла?), а в гуще мелочей, какие запомнились ему из народной жизни”. Цит. по: Прудоминский В. В. И. Даль. С. 239.

²¹ “Грамота, сама по себе, ничему не вразумит крестьянина; она скорее сбьет его с толку, а не просветит. Перо легче сохи; вкусивший бестолку грамоты норовит въ указчики, а не в рабочие, норовит в ходки, коштань, мироеды, а не в пахари; он склоняется не к труду, а к тунелю-ядству”. Письмо А.И. Кошелеву. 1856.

ваясь с тем, что казалось ему абсурдным, Владимир Иванович, не переболевший еще ни Достоевским, ни Фрейдом, иногда терял голову и был способен на вполне "донкишотские" эскапады.

Чего стоит хотя бы его борьба (и последующее примирение) с гомеопатией, которой он увлекся в первый год пребывания в Оренбурге. В американской монографии, посвященной истории этого учения в России²², Далю отведена целая глава, в которой говорится, что хотя Даль не внес никакого вклада в саму науку, его авторитет и убежденность в ее пользе, сыграли огромную роль в ее распространении в России.

Еще раньше, до приезда в Оренбург, Даль занимал весьма прагматичную точку зрения в отношении спорного учения. В ранней статье, написанной после университета, он, говоря современным языком, излагает теорию *платцебо*: сами по себе гомеопатические средства совершенно неэффективны, но, получая их, пациент чувствует себя психологически защищенным и мобилизует внутренние ресурсы на борьбу с болезнью²³. Затем в 1833 г. следует резко отрицательная статья, представляющая рецензию на книгу по гомеопатии²⁴. И в том же году — настоящая инвектива, направленная и против автора метода знаменитого Ганеманна. Что это за статья, можно судить хотя бы по ее заглавию "Самуил Ганеманенн, Pseudomessias Meducus κατ' ἐξοχήν Всеразводителя²⁵, или Критическое очищение и омовение врачебных конюшен Авгия, наименованных: Органон Врачебной Науки: способ гомеопатического врачевания тож, в пользу Врачей и иных образованных читателей, Фридриха Александра Симона, мл.". К тому же статья снабжена странным двойным немецко-русскому эпиграфом: "Dem Nartenkönig gehört die Welt. Дураку закон не писан". И что за всем этим стояло? Какая-то медицинская драма? Да, нет. Даль *поддался чувству внушения*, скорее всего, как полагает историк медицины²⁶, мнению известного в то время борца с гомеопатией доктора Зейдлица.

Меня здесь поражает не взрывная реакция обычно сдержанного Даля, а его всеохватывающая, тотальная вера в неожиданно открывшийся смысл или скорее бессмысленность гомеопатии. У каждого настоящего ученого бывают такие моменты, когда сложные элементы головоломки как-то сразу складываются в осмысленную картину. Весь словарь Даля — цепь таких озарений, многие сотни раз перед ним открывался, как он считал, общий смысл того, что до этого было только собранием в какой-то мере сходных слов. И хотя Даль щедро расставляет вопросительные знаки в своем словаре, найденные решения — гнезда слов — без особых изменений кочуют из первого во второе (прижизненное) издание знаменитого словаря.

Однако при склонности к внушению и самовнушению Даль не был одержимым. Прошло немного времени и оренбургский сторонник гомеопатии, доктор Лессинг, уговорил Даля попробовать на себе одно из гомеопатических средств, которое, как

М. Арапов
Толковый
словарь живого
великорусского
языка

²² Kotok A. The history of homeopathy in the Russian Empire until World War I, as compared with other European countries and the USA: similarities and discrepancies <http://www.homeoint.org/books4/kotok/>. Книга в значительной степени основана на работе врача Карла Боянуса, "Гомеопатия в России" (М., 1882), который был сотрудником Даля в Нижнем Новгороде.

²³ Слово медика к больным и здоровым / Владимир Луганский // Сев. пчела. 1832. № 127, 128.

²⁴ Возражения против Ганеманнова взгляда на медицину и на целительную силу природы особенно // Сын отечества. 1833. [Т.] 34. С. 347–358; [Т.] 35. С. 22–23.

²⁵ κατ' ἐξοχήν — греч. "по преимуществу".

²⁶ Kotok A. Op. cit.

решил сам Даль, ему помогло. Даль потребовал объяснений от Зейдлица, а спустя какое-то время сам стал яростным приверженцем метода Ганеманна. И оставался верным этому методу до конца жизни, так что имя Даля стало даже знаменем русских гомеопатов. Тот же внутренний протест против хаоса вкупе с внушаемостью Даля, похоже, проявился и позднее, уже в Петербурге. Но тут дело будет куда серьезнее, и оно бросит серьезную тень на репутацию Даля.

Возвращение в Петербург. Перевод в Петербург происходит в 1841 г. Даль становится Управляющим канцелярией при Министре внутренних дел Льве Алексеевиче Перовском, брате Оренбургского губернатора В.А. Перовского, а фактически — ближайшим сотрудником министра.

Среди множества дел, которыми загружал Даля честолюбивый Л.А. Перовский, было поручение составить две экспертные записки. Одна — печально знаменитое “Разыскание” о ритуальных убийствах детей, совершаемых евреями²⁷, а вторая посвящена верованиям и обрядам одной из русских мистических сект — секты скопцов. Конечно, в официальных бумагах Даль не может использовать риторику своей статьи о Ганеманне, но характер изложения все тот же: привлекаемые материалы принимаются за чистую монету, не приводится никакого различия между явно фольклорными произведениями и историческими (или хотя бы выдаваемыми за исторические) свидетельствами, полностью отсутствует анализ мотивов, которыми могли руководствоваться авторы исходных материалов, игнорируются противоречия между источниками, эксперт полностью отождествляет себя со своими информантами. Благодаря этому злосчастное “Разыскание” и по сей день перепечатывается в антисемитских изданиях.

В разыскании о скопцах²⁸ Даль, как пишет современный исследователь вопроса, был весьма пристрастен к “скопческой ереси”. В различных местах записки встречаются гневные филиппики против сектантов, а заканчивается она выводом и во все далеким от политической корректности:

“Скопцы — не люди и никогда не могут быть превращены снова в людей: в них нет уже человеческих чувств; они оторваны от общества навсегда: а между тем представляют живой пример и соблазн для людей слабоумных, изуверных, легковверных, корыстных или вообще склонных, по недостатку самостоятельности, к принятию чужих мнений и мыслей. Это язва, которую можно искоренить, но излечить нельзя.

Даля ждало разочарование. Когда его книга была представлена Николаю I, царь был “очень доволен и спросил об имени автора. Когда же Перовский назвал Даля, император Николай Павлович поспешил осведомиться, какого он исповедания. Владимир Иванович был лютеранином, и государь признал неудобным рассылать высшим духовным и гражданским лицам книгу по вероисповедному предмету, написанную иноверцем.

²⁷ Даль В.И. Разыскание о убийении евреями христианских младенцев и употреблении крови их. Напечатано по приказанию г. Министра внутренних дел Л.А. Перовского. СПб., 1844.

²⁸ Исследование о скопческой ереси. [СПб.], 1844.

Написать новое исследование поручено было Надеждину, который в свой труд внес всю работу Даля²⁹.

Снова в провинцию. В 1849 г. Даль ходатайствует о переводе в Нижний Новгород управляющим Удельной конторой. По весу и влиянию эта должность не шла ни в какое сравнение с его должностью в министерстве, и перевод озадачил как его знакомых, так и начальство, и, похоже, что и его биографов. Мне кажется, что это решение было подготовлено за пять лет до этого реакцией царя на расследование о скопцах. Свое влияние мог оказать выговор министра ("Служить — так не писать, писать — так не служить") за неосторожную фразу Даля в очередном рассказе, хотя Даль слишком хорошо знал своего министра, чтобы серьезно его опасаться, но, как мне кажется, он к этому времени устал от честолюбивого Перовского, который был вечно под боком (оба жили на казенных квартирах в одном доме), при том, что Даль чувствовал, что в самом министерстве наступали новые времена и преобладают новые голоса. В министерстве теперь постоянно многословно и бестолково обсуждался крестьянский вопрос.

В марте 1849 г. Никитенко запишет в своем дневнике: "Не-нависть к немцам тут не иное что, как выражение мысли: пора делать что-нибудь самим и для себя."

Мысль эта гораздо глубже, чем кажется иным и многим. Партия таких славянофилов должна быть сильна, ибо опирается действительно на народ. С ней в наружной оппозиции партия европейских людей, после петровских, которые опираются на общечеловеческие идеи, на идеи науки и искусства³⁰. Очень близкий по взглядам славянофилам, Даль был для них немцем. Невеселый парадокс.

Под влиянием всего этого у Даля зреет идея, что его чиновничья карьера исчерпана. Оставшиеся еще силы нужно было сосредоточить на его собственном проекте. Так, наверное, родилась просьба о переводе из Петербурга в провинцию, который состоялся в 1849 г. Место, скорее всего, предложил сам министр, который по совместительству был товарищем министра уделов. Это министерство управляло имуществом царской семьи, а ее имения находились во многих губерниях. Даль сам выбрал Нижегородскую.

В Нижнем Даль впервые "первое лицо" в учреждении, пользующемся определенной независимостью от местных властей, и он использует свою самостоятельность для ускорения работы над словарем, подключая к ней своих подчиненных. Собранный им коллекции слов нужно было придать окончательную форму. Здесь же, в Нижнем в 1859 г. он выходит в отставку в чине действительного статского советника, а после отставки переезжает в Москву и поселяется на Большой Грузинской улице, где завершит работу над словарем.

(Окончание следует)

*М. Арапов
Толковый
словарь живого
великорусского
языка*

²⁹ Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2002. С.15–16.

³⁰ Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. М.: Захаров, 2004. С. 527.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО СОЗДАТЕЛЬ

М.В. Арапов

“Сам даже не знаю, что у меня вышло”
В.И. Даль (о своем словаре)

Настала очередь разобраться в наиболее сложном вопросе: понять, почему Даль назвал результат словарем *живого* языка, и какие же ткани языка он отсекал как мертвые.

Живой язык. Прежде всего, взгляды Даля на то, каким должен быть язык, отражались на отборе слов, или, технически говоря, на составе словника. Я уже упоминал о пренебрежении Даля словами с прозрачным смыслом, включение которых в словарь ничего, по его мнению, словарю не добавляло (наращения, большинство существительных с уменьшительными суффиксами и др.). Теперь я буду более систематически пользоваться приемом, к которому прибегал и ранее: сопоставлять слова, включенные в свой словарь Далем, со списками слов, использованных его современниками. Грибоедов¹, Пушкин², Лермонтов³ писали примерно в то время, когда Даль собирал материалы для своего словаря. А Достоевский мог быть уже и читателем Даля⁴.

У Даля отсутствуют слова, которые встречаются, например, у Пушкина: *горлышко, горностаюшка, городишка, графинчик, графинюшка, годок, галочка, голинький (нет и голенького)*. Лермонтов употреблял: *гримаска, генералишка, городишко, глазыньки*, у Даля этих слов нет. Нет “тривиальных” наречий: *гласно, гостеприимно, грозно-молчаливо, горько-горько, геройски, горделиво, гордо* и др. У кого, как не у Даля, должны бы быть такие слова, как *гульливый* (использовано Пушкиным и Лермонтовым), *гудёт*, которые звучат очень уж народно, но они в словаре отсутствуют. Даль игнорировал также некоторые “модные” заимствования: *гладиатор, грандифлор, гранпасьянс, гранд, гяур, гвардионец гауз, гальциона, гурия*, которые использовались Пушкиным, Лермонтовым, Грибоедовым.

Общим принципом, утвердившимся в практике составления русских словарей, которому Даль следовал, было исключение имен собственных, названий местностей и образованных от них слов, за исключением названий народов. Но у Даля нет

СУДЬБА

Окончание. Начало см. Человек. 2009. № 1–2.

¹ Словарь языка А.С. Грибоедова / <http://www.inforeg.ru/electron/concord/concord.htm>. Словарь охватывает все известные науке тексты А.С. Грибоедова и включает более 12 тыс. лексем и более 120 тыс. словоупотреблений, снабженных подробной лексикографической информацией.

² Словарь языка Пушкина. Т. 1–4. М., 1956–1961. Словарь охватывает все тексты, включенные в академическое ПСС 1937 г. (общий объем текста 544,8 тыс. слов, из которых 21,2 тыс. различных).

³ Частотный словарь представляет собой часть Лермонтовской энциклопедии (М.: Сов. энциклопедия, 1981). Разных слов 14 939, слов с общим числом словоупотреблений 342 269. Я пользовался электронным вариантом словаря, размещенным по адресу: <http://feb-web.ru/feb/lermont/re-abc/>.

⁴ Шайкевич А.Я., Андрущенко В.М.,

СУДЬБА

не только Греции, но и слов *грек, гречанка, греческий*, не только Грузии, но *грузинин, грузинец, грузин, грузинка, грузинский* и т.п. (некоторые из приведенных названий этносов еще не устоялись в первой половине XIX в., привожу их в той форме, в которой они встречаются в текстах упомянутых писателей). Отдельные исключения делались для представителей античной “боговщины” (пантеона), но здесь не только у Даля, но и в современных словарях трудно найти какую-либо систему.

Если в каком-то порядке (хотя бы в алфавитном) выписать все слова, встречающиеся у писателей-современников, рассматривая их как представителей образованного сословия, и отметить среди них слова, которых нет в словаре Даля, то у Пушкина с такой пометой окажется примерно 1/6 всех слов, у Лермонтова — 1/5, а у Грибоедова — 1/12. Но если учесть принятые Далем принципы отбора слов, то различие между Далем и его современниками окажется очень незначительным: не вошедшие в словарь слова составляют 2–3% объема текстов писателей, основная масса отвергнутых слов либо уменьшительные, либо наречия и другие типы слов, перечисленные выше. Есть у Даля незначительное количество труднообъяснимых пропусков. Это слова, которые заведомо использовались образованными людьми в то время, и никакие принципы составителя не препятствовали их включению в словарь, но их там нет. Например, нет междометия *зм*. Есть и несколько более существенных лакун: относящихся к сложным словам, к существительным с отвлеченным значением, но в первой половине XIX в. в литературе они были относительно малоупотребительны, и я коснусь их позже, когда речь пойдет о состоянии русского языка в момент, когда словарь уже был готов (в 60-е гг. XIX в. и позже). Ведь составление словаря, включая сбор материалов, затянулось едва не на полвека!

Таким образом, заглянув в словарь Даля, современник нашел бы там практически все слова, которые сам использовал. Конечно, он нашел бы рядом с ними слова, которых он не слышал вообще, или, зная, находил их “неудобными к использованию”. Но в этом соседстве и была сама соль проекта.

Даль, красноречиво выступая против обилия в русском литературном языке иноязычных заимствований, сам отвлекал публику от существа дела: «[Сейчас] есть только обрусевший по виду между пишущей братией латино-французско-немецко-английский язык! Господа, Вы потребовали от меня отчета о труде моем в словаре, над которым я работаю. Исполняю Ваше желание. Словарю дано название: “Словарь живого великорусского языка”»⁵. На самом же деле, сам словарь Даля перенасыщен заимствованиями (особенно в области биологической, горной, военной, административной и проч. терминологии). Несколько его забавных экспериментов с альтернативами уже

Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Ф.М. Достоевского. Задуман как часть “Словаря языка Ф. Достоевского”. Словарь включает 43 652 лексемы, общий объем текстов всех жанров 2 847 485 словоупотреблений. В Интернете размещен по адресу: http://cfrl.ru/dost_cd0/dostoevski.htm

⁵ Из выступления В.И. Даля на заседании Общества любителей российской словесности 25 февраля 1860 г.

вошедшим в широкий обиход заимствованиям (все эти “коло-земица”, “казотка”, “глазоем” и т.п.) давали только повод для шуток.

Реальных же проблем, связанных с лексикой русского литературного языка в первой половине XIX в., было две. Я рассматриваю их по очереди. Первой была скудость запаса общепринятой лексики для детального описания повседневной жизни. А что еще можно было ожидать от литературного языка, родившегося в столичных салонах? Русский писатель уже с конца XVIII в. умел обсуждать оттенки чувств, внешность людей, их речь, деловую жизнь образованного общества, преимущественно связанную с управлением страной, но слов все равно не хватало. Напомню известное письмо Гоголя матери, датированное 1829 г.:

“...Теперь вы, почтеннейшая маминька, мой добрый ангел-хранитель, теперь вас прошу, в свою очередь, сделать для меня величайшее из одолжений. Вы имеете тонкий, наблюдательный ум, вы много знаете обычаи и нравы малороссиян наших, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мне их в нашей переписке. Это мне очень, очень нужно. В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов, с поименованием, как это все называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменявшихся малороссиян; равным образом названия платья, носимого нашими крестьянскими девками, до последней ленты, также нынешними замужними и мужиками. Вторая статья: название точное и верное платья, носимого до времен гетманских. [...] Еще обстоятельное описание свадьбы, не упуская наималейших подробностей. Об этом можно расспросить Демьяна (кажется, так его зовут; прозвания не вспомню), которого мы видели учредителем свадеб и который знал, по-видимому, все возможные поверья и обычаи. Еще несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках. Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее, с их названиями и делами. Множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов, и проч., и проч.”⁶

Конечно, дело здесь не в украинском *couleur local*, русский быт был известен несколько не лучше. Попробую придать этому [процессу] “полуколичественную” форму. В приведенной ниже таблице названия классов расположены по убыванию численности слов, составляющих их. В первой колонке расположены слова из словаря Даля. Чтобы не загромождать статью, я приведу только отдельные цифры (табл. 1).

В каждом из словарей наиболее многочисленной является категория, описывающая психические состояния человека и восприятие им чужих психических состояний: *горевать, радоваться, печаль, веселье, смешной, головомытие* (в смысле “выволочка”), *гнев, раздосадованный* и др. У Даля в эту катего-

⁶ Цит. по: Гиппиус В. Гоголь. М.: Аграф, 1999 (перепечатка изд. 1931 г.). С. 31.

Таблица 1

	Даль	Пушкин	Лермонтов	Грибоедов
1	псих[ическое]	псих[ическое]	псих[ическое]	псих[ическое]
2	раст[ение]	адм[инистрация]	звук[и]	геогр[афия]
3	жив[отное]	речь	адм[инистрация]	адм[инистрация]
4	звук[и]	церк[овный]	церк[овный]	звук[и]
5	адм[инистрация]	звук[и]	воен[ный]	колич[ественный]
6	внеш[ность]	юрид[ический]	жив[отное]	воен[ный]
7	морск[ой]	воен[ный]	внеш[ность]	внеш[ность]
8	горн[ый]	раст[ение]	колич[ественный]	юрид[ический]
9	одежда	внеш[ность]	раст[ение]	раст[ение]
10	речь	жив[отное]	речь	речь

рию входит 3,6% слов, а Пушкина — 7,2%. Две следующие категории в пояснениях не нуждаются, это названия **растений** и **животных**, исключая домашние и окультуренные, и все, что связано с их жизнедеятельностью (например, *гнездо* и *свить* для животных).

В пятерку наиболее “населенных” категорий входят **звуки**: сухая трава *шелестит*, пол *скрипит*, гром *гремит*, кто-то *бултыхается* в воде, наступает *тишина*, и проч. **Внешностью** (*высокий, горбун, борода, бритый, хромой* и проч.) обладают все живые существа, сюда же включены названия частей тела, если они не рассматриваются в чисто медицинском (или ветеринарном) аспекте. Категория **администрация** была рассмотрена выше, к ней тесно примыкают **юридические** понятия, описывающие правовое положение людей, местностей, занятий. **Количественные** отношения представлены такими словами, как *много, мало, сильный* (дождь), *сократить* и проч. Названия остальных категорий не нуждаются в расшифровке. Там, где, возможно, категория совпадала с пометой в самом словаре Даля (напр., морск., воен., горн., церк. и др.)

В категорию помещается собственно не слово, а его значение, поэтому слово теоретически способно входить в несколько категорий, но это случается не так уж часто. Всего было выделено 90 категорий, что, конечно, очень мало, если бы в мои намерения входило составить тезаурус русского языка, но достаточно, чтобы выявить основные тенденции. Содержание текстов трех классиков русской литературы, описанное в предложенных терминах, удивительно близко друг к другу. У всех авторов и у Даля в первые пять категорий (в табл. 1) входит чуть менее 50% всех слов (у Пушкина 50% — это максимум, у Грибоедова 43% — минимум), а в первые десять чуть менее 2/3 (от 61% у Грибоедова до 66% у Даля). Но если взглянуть на состав категорий, то словарь Даля выделяется самым решительным образом.

Словарь Даля — это словарь человека, пристально вглядывающегося в объективный мир. Только в его словаре *животный* и *растительный* мир попадают в первую пятерку, только в нем *горная* (т.е. горнорудная, металлургическая, химическая) номенклатура и названия *одежды* попадают в первую десятку. Естественна и объяснима увлеченность Даля морской терминологией, но у современников ее место можно считать занятым терминологией военно-сухопутной. Еще одно отличие словаря Даля состоит в том, что понятия, связанные с *церковной* жизнью, остаются у него за границей магической десятки самых “наполненных” категорий⁷.

Но, похоже, что образованное общество, если не считать отдельных литераторов, как не замечало до Даля окружающей среды (выражаясь современным языком), так после выхода его словаря не проявило особого к ней интереса. Довольно едко и красноречиво ситуацию описал Н. Лесков, человек по мировоззрению довольно близкий Далю. В его романе “На ножах” (1870—1871) фигурирует в частности некто Иосаф Платонович Висленов один из “новых людей” (принадлежащий огромному потомству онегинных, базаровых, раскольниковых и проч., и проч.). Вернувшись в родные пенаты, он отправляется на прогулку с несколькими соседями, по пути излагая свои взгляды на Россию и на ее природу:

— А я, каюсь вам, не люблю России.
— Для какой причины? — спросил Евангел.
— Да что вы в самом деле в ней видите хорошего? Ни природы, ни людей. Где лавр да мирт, а здесь квас да спирт, вот вам и Россия.

Отец Евангел промолчал, нарвал горсть синей озими и стал ею обтирать свои запачканные ноги.

— Ну, природа, — заговорил он, — природа наша здоровая. Оглянитесь хоть вокруг себя, неужто ничего здесь не видите достойного благодарения?

— А что же я вижу? Вижу будущий квас и спирт, и будущее сено!

Евангел опять замолчал и наконец встал, бросил от себя траву и, стоя среди поля с подоткнутым за пояс подрясником, начал говорить спокойным и тихим голосом:

— Сено и спирт! А вот у самых ваших ног растет здесь благовонный девясил, он утоляет боли груди; подальше два шага от вас, я вижу огневой жабник, который лечит черную немочь; вон там на камнях растет верхоцветный исоп, от удушья; вон ароматная марь, против нервов; рвотный копытень; сон-трава от прострела; кустистый дрок; крепящая расслабленных алиела; вон болдырян, от детского родилиша и мадрагары, от которых спят убитые тоской и страданием. Теперь, там, на поле, я вижу траву гулявицу от судорог; на холмике вон Божье деревцо; вон львиноуст от трепетанья сердца; дягиль, лютик, целебная и смрадная трава омег; вон курослеп, от укушения беше-

⁷ Перечисленные выше словари писателей — частотные, но в данном учет “весов” (суммарной частоты употребления слов, относящихся к каждому классу), не изменяет приведенной картины принципиально.

СУДЬБА

ным животным; а там по потовинам луга растет ручейный гравилят от кровотока; авран и многолетний крин, восстанавливающий бессилие; медвежье ухо от перхоты; хрупкая ива, в которой купают золотушных детей; кувшинчик, кукушкин лен, козлобород... Не сено здесь, мой государь, а Божья аптека⁸.

Не верно было бы думать, что неспособность называть элементы окружающей среды — своего рода афазия, охватившая образованное общество (кстати, задолго до появления лишних людей, новых людей и проч.), — это какое-то специфическое явление русской истории. Будь так, Гете не пришлось бы уговаривать своих аристократических друзей вместе выезжать за город и собирать гербарии, причем, возвращаясь с подобных прогулок, его кружок собирался и вместе с мэтром увлеченно классифицировал по Линнею собранные былинки. Именно тогда, в последней четверти XVIII в. сначала горожане, а потом и деревня в массовом порядке стала выбираться на природу, отправляясь полюбоваться лесами, горами, водопадами и другими местами, которые до тех пор исключительно рассматривались как площадки для заготовок сена, дров и грибов.

Каким бы ни был интерес к словарю Даля, какие бы награды и самые лестные рецензии ни получил автор, нужно признать, что попытка Даля “развернуть” литературный язык в сторону пристального и детального описания материальной среды успехом не увенчалась. Во второй половине XIX в. те процессы в литературном языке, которые в начале века были едва заметны, приобрели изрядный размах. Люди противоположных политических взглядов видели вокруг лишь “квас да спирт”, а наиболее востребованными оказались те средства лексики, которые нужны были для политического и экономического объяснения, откуда взялись эти жидкости и какую историческую роль они сыграли в России.

С помощью той же “полуколичественной” формы легко убедиться, что способность видеть окружающий мир только *в общем и целом*, была свойственна отнюдь не только “новым людям” и российским “левым”, но и самым что ни есть почвенникам.

Фигурирующие в приведенной ниже табл. 2 категории были приведены ранее. В первой колонке мы напоминаем первые десять категорий в словаре Даля. Во второй — порядок следования у Достоевского. На первый взгляд, кажется, что Достоевский очень точно следовал тенденции писателей первой половины XIX в. Но Достоевский затрагивал гораздо более широкий круг тем, чем классики начала века. По сравнению с ними его словарь гораздо более разнообразен (в частности первые 10 категорий покрывают не 2/3 словаря, а несколько менее половины), своего рода “равновесие” между числом разных слов из одной тематической рубрики и статистическим весом этой рубрики, о котором мы упоминали, уже нарушено. Если учесть “вес” слов в рубрике (суммарную частоту употребления),

⁸ Лесков Н. На ножах. М.: Транзиткнига, 2005. С. 112–113. Правда, приведенный монолог отца Евангела, хотя и представляет “новых людей” в самом сатирическом свете, написан не в пример другим произведениям Н. Лескова на языке, очень близком русским “левым”.

то различие между Достоевским и классиками будет еще более выпуклым: вещный мир в представлении Даля с первого плана отходит еще дальше. Соотношение рубрик будет уже очень близким к тому, которое характерно для текстов середины XX в.⁹

М. Арапов
Толковый
словарь живого
великорусского
языка

Таблица 2

Даль слова	Достоевский слова	Достоевский частоты	Тексты XX в. частоты
псих[ическое]	псих[ическое]	звук[и]	псих[ическое]
раст[ение]	адм[инистратция]	псих[ическое]	звук[и]
жив[отное]	звук[и]	речь	речь
звук[и]	внеш[ность]	внеш[ность]	адм[инистратция]
адм[инистратция]	колич[ественный]	адм[инистратция]	анат[омия]
внеш[ность]	воен[ный]	науч[ный]	науч[ный]
морск[ой]	раст[ение]	геогр[афия]	простр[анственный]
горн[ый]	церк[овный]	простр[анственный]	геогр[афия]
одежда	жив[отное]	воен[ный]	колич[ественный]
речь	мед[ицинский]	соц[иальный]	воен[ный]

Теперь для нас настала очередь второй части программы Даля. Примерное ее содержание таково: чтобы быть живым, русский язык должен быть освобожден от пут церковнославянского языка. Учитывая роль последнего в православии, заявить вслух нечто подобное лютеранину Далю было решительно невозможно, поэтому он и действует исподволь. Объявив войну заимствованиям из западных языков, Даль реально воюет с заимствованиями из церковнославянского языка. Сына лютеранского пастора, вероятно, глубоко смущало то обстоятельство, что на выбранной им Родине важнейшие мысли, относящиеся к сфере духовной жизни (Даль был не только человеком верующим, но и по складу характера отчаянным моралистом), могут быть высказаны *правильно* лишь на языке, который понятен большинству общества в лучшем случае наполовину (исключение составляло духовенство). Русский язык нужно освободить от “славянщины”, которой нет в “народном языке”, и ввести в употребление русские слова для выражения тех же моральных понятий. Однако сделать это было уже практически невозможно, к XIX в. употребление церковнославянского языка вышло далеко за пределы собственно церкви: церковнославянские по происхождению слова и слова, построенные по их образцам, стали широко использоваться в сфере администрации, в законодательстве, в науке, в образовании и т.п. Составители Академического словаря 1847 г., т.е. “Словаря церковнославянского и русского языка, составленного Вторым отделением Императорской академии наук”, который Даль в свое

⁹ Данные см в: Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977.

СУДЬБА

время подверг жестокой критике, понимали, что разделение собственно русского и церковнославянского языка будет столь же рискованной операцией, как разделение сиамских близнецов.

Сказанное подтверждается рассуждениями предисловия к Словарю 1847 г. на стр. XI о неудобстве и преждевременности “решительного разделения русского языка с церковнославянским, потому что стихии того и другого доселе еще тесно связаны между собою”¹⁰.

Подвергнув Академический словарь жестокой критике, Даль, видимо, тщательно его проштудировал. Ему было ясно, что исключение таких слов, как *акафист, говение, причастие, ипостась, клирос, диакон* и проч., обозначающих реалии церковной жизни, немислимо, они глубоко укоренились в языке, и пытаться их чем-то заменить, было бы совершенной нелепостью. Их внутренняя форма непонятна верующему, не знающему греческого языка, но в этом нет никакой беды. К словам, помеченным в Академическом словаре 1847 г. как *церк.*, Даль ничего не добавил, но и убрать осмелился всего менее трети, покушаясь на совсем уж ветхие: *глагольник* (говорящий), *гладотворити* (вынуждать голодать), *глашати* (подавать голос), *глипати* (смотреть) и т.п. А у некоторых слов, включенных в Академический словарь с пометой *церк.* (т.е. “церковнославянское”), в своем словаре снял эту помету.

Даль попробовал пойти иным путем, который казался ему менее опасным: он попытается исключить из словаря продуктивные в церковнославянском языке суффиксальные образования и сложения. Общее замечание, которое он делает в связи с этим, и поныне звучит актуально:

“От чего у нас почти без изъятия, не ученые, не словесники, говорят гораздо лучше, чем пишут? и это следствие того же: с письмом или письменностью у нас связано понятие о каком-то высшем слоге, а высший слог этот отличается от разговорного тем, что он пересыпан иностранными, изломанными словами, взамен русских, и что понятия выражаются не русским складом”¹¹.

Как же выглядит та “боксерская груша”, которую Даль колотил, считал “славянщиной”? Мы станем посмешищем, писал Даль, “если мы упорно захотим ломать все отвлеченные существительные в окончание на *ость* и *вость* — окончание, которое в народном языке довольно редко употребляется... и чаще заменяется короткими и более выразительными словами; — если будем склеивать кой-как при каждом удобном случае по два слова вместе, чего язык наш не терпит, а образует всякое новое слово из одного только главного понятия”¹².

И действительно у него вы не встретите образований типа *господа-промышленники, генерал-начальник, государственно-религиозный, гнусно-плутоватый*, названий цветов типа *темно-коричневый, светло-голубой, ярко-красный* и проч.¹³), и аб-

¹⁰ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Предисловие. СПб., 1847. С. XI.

¹¹ Луганский (Даль) В. Полтора слова о нынешнем русском языке / Полн. собр. соч. С. 537–561. Первоначально в журнале “Москвитянин”. 1842. Ч. 1. № 2.

¹² Там же.

¹³ Последние хотя и напоминают церковнославянизмы, реально представляют собой кальки немецких слов.

страктных существительных с суффиксом *-ость* (*галантерейность, грамотность, государственность* и т.п.), он пытается сократить употребление действительных причастий настоящего времени (*горящий, колющий, воняющий, трясущийся, сыплющийся* и проч.), противопоставляя их исконно русским *горячий, колючий, вонючий, трясучий, сыпучий*. Только Достоевский его совершенно не понимал: большинство приведенных примеров взято из его словаря.

Конечно, никакого “оживления языка” в результате не произошло, большинство современных авторов просто не заметило этой “партизанской вылазки” Даля.

Не одному Далю было понятно, что обсуждение религиозно-этических проблем нуждается в новом языке, и помочь делу можно было бы не борьбой с отдельными типами слов для обозначения отвлеченных понятий, а переводом на русский язык и популяризацией Священного Писания. Здесь не место обсуждать драматическую историю “Русского библейского общества”, существовавшего в 1822—1826 гг., и первого, фактически запрещенного перевода Евангелия на русский язык 1822 г. Ни Даль, ни Академический словарь не решались цитировать этот перевод. Следующий Синодальный перевод начал выходить отдельными выпусками в 1862 г., когда словарь Даля был уже фактически готов. Видимо, он не удовлетворил Даля, потому что в последние годы жизни он тоже занимался переводом Библии на русский язык.

Отдельно нужно сказать о приводимых Далем толкованиях. Определений через “тождесловы” (синонимы) не так уж и много (*запрещать, запретить что кому, не позволять, не разрешать, не допускать, зарекать, воспрепятствовать, возбранять, заказывать, заповедывать, налагать запрет, заказ*). Они соперничают с традиционными определениями *per genus et differentiam specificam* (хотя в теории Даль был их противником) и ссылками на биологическую номенклатуру (часто устаревшими). Но есть определения и удивительные, которые часто цитируют. Их приводят, иногда наивно полагая, что они отражают мудрость народа, неизвестным образом сообщившуюся Далю. Например, немало страниц в Интернете посвящено обсуждению “определению” понятия **мысль**: *всякое одиночное действие ума, разума, рассудка* и т.д. На мой взгляд, это высказывание похоже не на народную мудрость, а на цитату из популярного, изданного впервые в начале 60-х годов *Wörterbuch der Philosophischen Grundbegriffen* Фридриха Киршнера — “*Gedanke ist Erzeugnis eines Denkaktes*”. Определение **закон** как предела, поставленного свободе воли или действий, очень напоминает цитату из Канта (“*Метафизика морали*”), только классик имел в виду не закон вообще, а моральный закон.

Что же получилось у Даля? Даль создал, несомненно, прелюбопытный толковый словарь. Но слишком оригинальный,

«Несмотря на огромное обилие содержащегося в нем [Словаре Даля] материала, несмотря на всю свою оригинальность и другие положительные достоинства, Словарь Даля, все-таки составлен — как в 1-ом, так и во 2-ом издании — с внешней, технической стороны неудовлетворительно и для пользующихся им неудобно. Для устранения этих чувствительных погрешностей, можно было посмотреть на прежние издания Словаря Даля только как на материал и затем, переделав его основательно, составить совершенно новый словарь русского языка, по всем правилам лексикографического или словарного искусства. Но тогда это был бы уже не “Словарь Даля”...»¹⁴

Даль один из немногих признавал, что сердцевина России — это “черная дыра”. В то время как на окраинах происходила консолидация, часто по национальному признаку, Великороссия в языковом отношении — оставалась не сцементированной. Заслуга Даля в том, что он хотя бы видел эту проблему, почему и назвал свой словарь словарем *великорусского* языка. Но его инициатива не только не была подхвачена, она не была даже понята подавляющим большинством его современников.

Честно говоря, не был словарь Даля и словарем *живого* языка. Даль и не пытался отразить реальные тенденции развития литературного языка, он их замечал, но они были скорее ему неприятны. И говоря о “живом” языке, он пытался не угадать направление развития, а изменить его вектор. Здесь его ждала неудача. Хотя, если бы дело происходило не в России, то обе задачи не были совсем уж безнадежной романтической затеей. Ведь удалось же другому дилетанту — Вуку Караджичу — примерно в то же время и консолидировать, и секуляризовать сербский литературный язык. Но инерция развития литературного языка, которую он приобрел отчасти во время работы Даля над словарем, появление в отечественной литературе крупных писателей, а также склонность ее образованного сословия решать не национальные, а наднациональные задачи привели к тому, что словарь Даля еще при жизни изрядно устарел и сам превратился в памятник русской литературы. О нем стали (и продолжают) рассказывать в тех же тонах, в каких излагают историю двух других символов национального величия — Царь-пушки и Царь-колокола.

Все названные и иные недостатки словаря Даля вполне извинительны, кроме одного, исправить который автор был не властен: это был единственный в XIX в. словарь, и конкурентов у него не было.

В последние годы жизни Даль, хотя и осыпанный почестями, едва ли был вполне счастлив. О внешней стороне его жизни в этот период написано достаточно много (неудачный второй брак с Е.Л. Соколовой — женщиной, страдавшей тяжелой депрессией, постоянные сетования на дряхлость, потом инсульт и обращение в православие. Правда, лишь незадолго до кончины).

М. Аранов
Толковый
словарь живого
великорусского
языка

¹⁴ Бодуэн де Куртене А.И. Предисловие к первому выпуску [Третьего издания словаря Даля] // Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. В 4 т. СПб., 1903–1909.

СУДЬБА

Мельком упоминают об увлечении Даля спиритизмом и теософией. Слово “спиритизм” скорее сбивает с толку, так как Эммануил Сведенборг (1688–1771), учением которого увлекался Даль (хотя не знаю точно когда) меньше всего походил на героев толстовских “Плодов просвещения”. Даль должен был ощущать особую близость к Сведенборгу. Тот большую часть жизни был натуралистом, причем блестящим: горным инженером, физиологом, астрономом и проч., и проч. Советником короля Карла XII и парламентарием. И едва ли не во всех областях, которыми он занимался, Сведенборг получил выдающиеся результаты, иногда далеко опережающие свое время. Но о предмете двух его сочинений по физиологии человека Владимир Соловьев, написавший о нем очень ясную и живую статью в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона¹⁵, выразился как-то очень загадочно — *“морфология и механическая филология человеческого организма”*. В 57 лет со Сведенборгом происходит таинственное преобразование: к нему как-то очень буднично явился Иисус Христос и поставил перед ним новую задачу — объяснить людям истинный смысл Священного Писания. Чем Сведенборг, не щадя сил, и занимался до конца жизни. Сведенборг был знаком с древнееврейским и греческим языками, излагая внутренний смысл Священного Писания, скрытый за словами, но как бы непосредственно очевидный для него, он не только игнорировал труды новых и древних теологов и комментаторов, он и обыденного смысла слов не замечал, истолковывая их аллегорически, но вполне последовательно и очень чувственно и осязаемо. Понятно, почему учение Сведенборга нашло отклик у Даля. Как именно Даль включился в движение сторонников шведского мистика, что он делал, мне не известно. Но по сообщениям существующего (в том числе и в пределах бывшего СССР) по сию пору Общества Сведенборга, Даль переводил его труды, и Общество сохранило его рукописи¹⁶.

Мироощущение Даля в последние годы кажется мне трагическим. Больше всего поразил меня небольшой рассказ “Предки”, написанный в конце жизни, но опубликованный уже посмертно. Даль умер 22 сентября (4 октября) 1872 г. Это нравоучительная история, написанная гладким русским языком детских рассказов: если бы не подпись В. Даль, было бы трудно поверить в его авторство. Вероятно, по стилю эта история очень похожа на те, что сам Владимир Иванович слышал от матери.

Маленькая Линдхен, выслушав историю Куликовской битвы, вслух мечтает оказаться потомком какого-нибудь из русских героев сражения. Тут вмешивается мать:

— А знаешь ли, Линхен? если бы ты была русской княжной или русской дворянкой, то не была бы нашей дочкой.

— Как так? — спросила Линочка.

¹⁵ Вл. Соловьев. Эммануил Сведенборг // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Петербург, 1890–1907.

¹⁶ Сведенборг Э. Пророки и псалмы. Избранные труды. М.: Амрита-Русь, 2004.

— Да так, дитя мое; мы хотя и любим Россию и считаем ее своей единственной родиной, а все же мы не русские, потому что отцы и деды, и прадеды наши были немцы.

Выясняется, что храбрые воины были и среди немцев, но военная карьера не единственный и не лучший способ прославиться, есть еще и мирное поприще. И оставшуюся часть рассказа занимает повествование о лютеранском пастыре, который вместе с женой оказывается в разоренном войной Эльзасе и приступает к духовному окормлению и просвещению одичавшего и погрязшего в нищете и грехе населения заброшенной долины Штейнталя.

Почва была запущена, необработанна, жители ленивцы, скотски грубы, и так как сообщение с ближайшим городом Страсбургом было почти невозможно, то они оставались без всяческого пособия; им не доставало ни земледельческих орудий для обработки земли, ни домашней утвари, ни удобной одежды, ни сносного, простого жилья, которое высекали себе в скалах или лепили на обрывах; они даже не умели сберегать зимой единственную пищу свою: мерзлый картофель, который производил болезни, — но они и мерзлomu были рады! если же у кого заводилась горсть соли, то тот считал обед свой роскошным. Школы только числились, и т.д.

Неустанные заботы миссионеров приводят долину в цветущее состояние, и они получают в обмен за труды свою порцию

Марка,
посвященная
В.И. Далю

СУДЬБА

любви, непонимания и неблагодарности. А любопытной Линдхен мама намекает, что эльзасские праведники и были ее настоящими предками.

Не исключаю, что легенда, придуманная Далем незадолго до смерти, была написана просто для развлечения какой-либо девочки из семьи обрусевших немцев. Или это был своего рода итог жизни?..

От редакции. Словарь Даля выходит далеко за пределы, которые ограничивают обычные филологические словари: он объясняет и предметы, характеризующие русский народный быт, и поверья, и приметы, связанные с сельскохозяйственным календарем, а также дает множество других этнографических сведений. Толкуя то или иное слово, В.И. Даль отбирает множество синонимов, свидетельствующих об исключительном богатстве русского языка, его гибкости и выразительности, он показывает безграничные словообразовательные возможности русского языка.

Если спросить простого человека, кто такой Даль, он тут же ответит: автор "Толкового словаря живого великорусского языка". Человек, более искушенный в делах литературных, добавит: "А еще он автор замечательного собрания русских народных пословиц, поговорок, афоризмов, присловий, загадок, поверий".

"Толковый словарь живого великорусского языка" Владимира Ивановича Даля — явление исключительное и, в некотором роде, единственное. Он своеобразен не только по замыслу, но и по выполнению. Другого подобного труда лексикография не знает, да и создатель его не был языковедом по специальности.

Работа Даля над словарем получила высокое признание всего русского общества, он получил престижную по тому времени Ломоносовскую премию. Интересен факт признания труда Даля. В Академии наук не было вакантного места, и тогда академик Петербургской АН М.П. Погодин выступил с предложением бросить жребий и одному из академиков выйти из академии, чтобы Даль занял вакансию. Дело кончилось тем, что Даль стал почетным членом Академии наук.

После выхода Толкового словаря в интеллигентской среде Москвы и Санкт-Петербурга появилось выражение: "Комната образованного человека — это стол, стул и Даль".